

Reidun Aambø

СЧИТАТЬ ЛИ НОРВЕЖЦЕВ НЕВЕЖЛИВЫМИ?

Typisk norsk å være uhøflig?

Reidun Aambø

СЧИТАТЬ ЛИ НОРВЕЖЦЕВ НЕВЕЖЛИВЫМИ?

Typisk norsk å være uhøflig?

HØGSKULEN I VOLDA

MØREFORSKING

2012

Author	Reidun Aambø
Translator	Julia Melnikova
Publisher	Volda University College
ISBN	978-82-7661-289-9
Type set	Julia Melnikova/ Mona H. Klausen
Illustration	From the book <i>Is Rudeness Typically Norwegian?</i> , illustrated by Akin Düzakin.
Distribution	Fagbok Volda e-mail: fagbok@hivolda.no tel.: 70 07 53 85

СЧИТАТЬ ЛИ НОРВЕЖЦЕВ НЕВЕЖЛИВЫМИ?

Предисловие	5
Два случая, послужившие поводом к написанию этой книги.....	6
Вежливость – от дворца до повседневности	6
Вежливость связана с ожиданиями, а не с правотой	7
Зачем быть вежливым?	8
Могут ли норвежцы одновременно не следовать формальностям и быть вежливыми?	8
«Теплые» и «холодные» культуры.....	10
Этикетные формулы – пустые фразы, жеманство или вежливость?	11
<i>«Подлинные» слова?</i>	11
Собственный культурный багаж лучше познается во встрече с иностранцами.....	13
<i>Как вежливо ответить «нет»?</i>	14
<i>Норвежская вежливость может оказаться невежливостью для других</i>	15
Иностранные студенты и иммигранты хорошо отзываються о норвежских привычках	17
Разные люди по-разному судят о культурных чертах и привычках норвежцев	21
Трудно быть «правильно» невежливым.....	24
<i>«Невежливые иностранцы»</i>	24
Предполагать в людях лучшее	27

СЧИТАТЬ ЛИ НОРВЕЖЦЕВ НЕВЕЖЛИВЫМИ?

Предисловие

В это издание вошел текст на двух языках – русском и норвежском. Книга посвящена анализу норвежских норм поведения в разнообразных социальных контекстах – в семье и среди друзей, на работе и во время путешествий.

Основная аудитория – иностранцы, которые учатся, работают или гостят в Норвегии. Собранный материал поможет и студентам, изучающим норвежский язык как иностранный. Читателям-норвежцам будет интересно узнать о том, как норвежская культура и поведение воспринимаются со стороны – в книге иностранные студенты и иммигранты делятся своими впечатлениями от встречи с норвежцами в Норвегии и в других странах.

Автор также использует собственный опыт учебы, работы и путешествий за границей. Надеемся, что книга будет вам полезна!

Я хочу выразить свою благодарность Юлии Мельниковой за перевод книги на русский язык.

Волда, январь 2008 г.

Райдун Омб

Два случая, послужившие поводом к написанию этой книги

Несколько лет назад студент из Эфиопии Университетского колледжа Волды в сочинении о норвежской помощи его стране привел цитату из старинного журнала пункта медицинской помощи христианской миссии: “Вчера у нас был розовый человек из Норвегии. Он ходил и всех подряд оскорблял”.

Студент из Монголии рассказал такой случай, произошедший в Улан-Баторе: “Чтобы познакомиться с местными жителями, работники норвежской гуманитарной миссии устроили праздник. Пришло много людей, родители и дети. Мы ели и с удовольствием общались. В конце праздника норвежцы подарили каждой семье... аптечку Красного креста с пластырями, бинтом, маской и другими перевязочными материалами. Жители поблагодарили хозяев и разошлись по дома. Они были возмущены! Молодежи запретили участвовать в мероприятиях организации, и эпизод вспоминали еще много лет спустя”.

В чем была ошибка норвежцев в Эфиопии и Монголии? Мы уже не можем сказать, что не так сказал или сделал норвежец медицинского пункта в Эфиопии. Он, наверное, был вежлив на норвежский манер – пожимал руку женщинам и мужчинам, не обращая внимания на статус, возраст или положение в обществе. Конечно же, он пытался сказать что-то милое, может быть, погладил ребенка по голове. А работники гуманитарной миссии в Монголии из самых лучших побуждений подарили полезные, практичные подарки каждой семье. Но ведь всякий подарок несет и сильный символический смысл. Благонамеренные норвежцы и не думали, что подарить пластырь и бинты может означать пожелание болезней и бед в будущем.

Оставаясь у себя в Норвегии, норвежцы не встречали такого непонимания, как их соотечественники в Эфиопии и Монголии. До 70-х годов прошлого века норвежская культура была практически гомогенной – школа, религия, идеалы и нормы практически не различались. Мы слушали одни и те же радиопрограммы, справляли одни и те же праздники и по большей части работали у себя в стране. Сегодня норвежцы много путешествуют, учатся и работают в самых разных странах. Определение, что значит быть *норвежцем*, сегодня будет другим, чем в 70-х. Тогда население в основном состояло из этнических норвежцев и рабочих из Пакистана. В 2007 г. на территории Норвегии было представлено уже более 200 национальностей и еще большее число различных культур и языков.

Раньше, возможно, мы имели право сказать, что норвежцы достаточно вежливы по меркам своей собственной однородной культуры. Вопрос того, что считать вежливым в сегодняшней Норвегии, вовсе не столь однозначен. В мультикультурном обществе человек рискует быть непонятым или не понять других, в том числе из-за разницы в нормах вежливости и социального поведения.

Вежливость – от дворца до повседневности

Согласно этимологическому словарю Фалка и Турпа (1992) норвежское слово *høflig* (вежливый) происходит от древненемецких *hovelik* или *höflich*. В норвежском языке также сохранилось слово *høvisk* (и выражение *det som høver seg*) заимствованное из средненижненемецкого (*hovesch*). В древнескандинавском языке присутствовало также слово *kurteis* от французского *courtois*, *la courtoisie* (придворный, поведение при дворе). Вежливость, другими словами, означает учтивость, утонченность, образованность, светскость, галантность и хорошее воспитание.

Норвежцев трудно назвать вежливыми в значении галантного поведения и обладания массой различных выражений, соответствующих различным обстоятельствам. Мы рады признать, что

шведы нас вежливее. Вежливее, учтивее и немного чопорнее, добавят многие. Если сравнить культуру довольно похожих стран – Норвегии и Швеции, естественно предположить, что шведы восприняли формы вежливости, связанные с сильной аристократией, родственно связанной с французским двором – монархи привезли в страну собственный вкус и образцы французской галантности. Без сомнения, общение с представителями других культур, внешняя и внутренняя история, а также роли мужчины и женщины, условия жизни, работы, климат и религия влияют на формирование культурных моделей поведения, включая формы вежливости. При этом формы вежливости, само собой, не бывают статичны.

Вежливое поведение, как правило, считается идеалом. Вежливость проявляется в словах и поступках и в том, какие слова и поступки мы выбираем. Однако вежливый человек также может воздержаться от слов или действий. При этом то, что в одной культуре считается вежливым, культурным, любезным и допустимым, может вовсе не оказаться таким в другой.

Для разных ситуаций подходят разные формы вежливости. У нас есть определенные модели для приветствия, другие – для походов в гости, совместных трапез, обмена подарками и так далее. Мы выбираем различные формы вежливости и стратегии, когда идем в ночной клуб, в университетской аудитории и на похоронах. Также в семье и на работе мы используем разные правила поведения и выражения, чтобы продемонстрировать вежливость или дружелюбие. В разговоре с друзьями или незнакомцами значение форм поведения в зависимости от пола, возраста и статуса могут играть большую или меньшую роль.

В зависимости от обстоятельств, собеседника, темы или собственного статуса мы выбираем соответствующие слова, выражения и тон разговора. При общении на родном языке в привычной среде это происходит автоматически, но в чужой культуре мы чаще всего сталкиваемся с проблемами при выборе соответствующих ситуации выражений, жестов или действий. Язык жестов и мимика также связаны с вежливостью и могут интерпретироваться по-разному. Как надолго мы останавливаем взгляд на другом человеке, куда взгляд направлен, что делают руки, нос, рот и т.д. – все это может посылать определенные сигналы другому. Формы вежливости не являются врожденными, но приобретаются в культуре. Как правило, они нигде не записаны и четко не сформулированы. Таким образом, человеку извне может оказаться непросто вести себя вежливо в чужой культуре. Часто именно иная система ценностей и форм вежливости создает ощущение неловкости и растерянности. Ошибившись с выбором, человек в большей или меньшей степени замечает, что произошел сбой в коммуникации.

Вежливость связана с ожиданиями, а не с правотой

Наша культура учит нас, что считать вежливым. Естественно, нам свойственно пытаться обнаружить сигналы вежливости и дружелюбия, присущие родной культуре, потому что именно этими кодами поведения мы умеем пользоваться. Не обнаружив тех же сигналов в другой стране, мы можем прийти к выводу, что местные люди невежливы. Восприятие вежливости также зависит от исполнения ожиданий, которые в нашей культуре соответствуют хорошему, дружелюбному поведению. Если кто-то кажется нам невежливым или грубым, вполне вероятно, что наше ощущение соответствует намерениям этого человека, однако, возможно, были нарушены лишь наши собственные культурные ожидания. Ощущение неловкости и растерянности часто бывает взаимным: если люди или среда кажутся мне странными и чужими, можно ожидать, что также воспринимают и меня самого.

Кто устанавливает нормы вежливости? Если человека или культуру считают вежливым или невежливым, можно задаться вопросом – в сравнении с кем или с чем? Например, один американец считал кубинцев невежливыми. Да, можно было бы сделать такое утверждение, уточнив: невежливыми с точки зрения ожиданий американца, что воспитанный человек, который хочет протиснуться мимо тебя или сталкивается с тобой в очереди, должен сказать «извините» или «простите». Но как гости на Кубе мы переживаем вежливость и дружелюбие на кубинский манер. Мы отмечаем, что хозяева предупредительны, общительны, всегда готовы помочь, они часто и много улыбаются. Кроме того, не стоит делать обобщений относительно кубинцев, как и других народов.

Зачем быть вежливым?

У нас может быть множество причин вести себя вежливо – часть мы можем осознавать, часть нет. К примеру, нам может хотеться произвести хорошее впечатление, нам хочется выглядеть внимательным и показать хорошее воспитание, или же мы не хотим попасть в неловкое положение или подвести родителей. Мы также решаем быть вежливыми, чтобы построить хорошие отношения с другими, чтобы люди, с которыми мы общаемся, чувствовали себя комфортно, уверенно, видели, что их ценят; или, возможно, нам хочется, чтобы другие благосклонно отнеслись к нашему предложению. Если мы освоим подобающее и дружелюбное поведение, мы можем создать основание для доверия, а доверие облегчает общение и понимание. В течение всей жизни, вне зависимости от того, где он живет, человек нуждается в том, чтобы общаться, нормально функционировать в обществе, понимать и быть понятым, и из опыта международной политики мы видим, насколько опасно не понимать ценности и смысл высказываний представителей других культур.

Впрочем, вежливость не всегда связана с близкими или дружескими отношениями – она может служить для создания дистанции между людьми. Преувеличенная вежливость может выражать покорность, иронию или насмешку.

Могут ли норвежцы одновременно не следовать формальностям и быть вежливыми?

Автор книги не культуролог, но человек любопытный, с достаточно большим опытом учебы, работы и отдыха за границей. Общение представителей разных культур я в первую очередь наблюдала на протяжении 20 лет преподавания у иностранных студентов Университетского колледжа Волды – в общей сложности около 430 учащихся из 77 стран. Также важным источником анализа для меня стали художественные тексты, написанные иммигрантами и их детьми. Сталкиваясь с людьми с другим происхождением и культурой, я сравниваю и замечаю намного больше, чем раньше. Но норвежке, живущей в Норвегии, по-прежнему трудно выделять и оценивать норвежские культурные особенности, по крайней мере, объективной считать меня нельзя. Поэтому мои рассуждения о некоторых норвежских чертах можно прочитать и как разъяснения, и как попытку «оправдаться».

Ученые утверждают, что скандинавские страны характеризуются приверженностью идеологии равенства. Продолжительная традиция социал-демократического правления оставила свой отпечаток на Норвегии (хотя индивидуализм, т.е. стремление обнаружить в себе нечто исключительное, присутствует наравне с идеалами равенства). Поэтому попытки выделиться или показать свое богатство и статус не приветствуются и могут вызывать смех. Возможно, по этой причине считается неприличным спрашивать норвежцев о том, сколько они зарабатывают.

Традиционно богатые и знаменитые норвежцы пользуются популярностью, когда они «живут как все» и они часто могут демонстрировать своеобразный «перевернутый» снобизм (ходить в поношенной одежде, водить старую машину) – то есть ограничивать себя в чем-то, чтобы показать, что они ничем не отличаются от остальных людей. Даже у богатых норвежцев редко встретишь прислугу дома, а одного из богатейших людей Норвегии можно встретить на пирсе за продажей рыбы, которую он только что сам выловил в море. Молодежь из богатых семей, как правило, не получает все, что пожелает – им приходится работать на выходных или летом, чтобы купить себе что-то особенное.

У одного норвежского мультимиллионера может быть загородный дом в горах с 15 ванными, а у другого – с туалетом на улице, при этом он будет одеваться в старую куртку и ходить на деревянных лыжах. Норвежцы часто сами красят свой дом, шьют себе одежду, собирают ягоды и варят варенье, готовят обед и работают в своем саду, несмотря на высокий доход. Поэтому нас не впечатляет, когда иностранцы рассказывают нам, что они никогда сами не делали грязной работы или, что всю еду им готовят слуги.

Мы считаем себя людьми простыми и к простоте стремимся. Мы гордимся тем, что в годы нефтяного кризиса 70-х король Улаф проехался на трамвае (хотя бы однажды). Квартира премьер-министра располагается в одном блоке с другими, и он передвигается без охраны. Дети короля и королевы ходили в обычную школу с другими детьми. Церкви и общественные здания никогда не выделяются роскошью. Иностранные туристы, например, часто принимают королевский дворец в Осло за вокзал. Один зарубежный аналитик в телепрограмме отметил, что норвежская простота служит основной причиной того, что эта маленькая страна пользуется международным уважением и ее представителям доверяют вести мирные переговоры во многих частях света. Но последние годы мы замечаем, что «норвежская простота» и солидарность с более слабыми пошли на убыль. Представление норвежцев о себе как о миролюбивой нации сегодня воспринимается как самодовольство – иностранцы видят, что норвежцы не смущаются указывать другим и выставляют норвежскую жизнь образцом для подражания других стран.

Благодаря идеалам равенства и однородности в Норвегии считается дурным тоном подчеркивать собственные заслуги или хвастаться достижениями детей перед другими (хотя мы, конечно, хвалим своих детей). Эти традиции отражаются и на школе. До последнего времени в учебе не предполагалось особой конкуренции. В начальной школе (первые семь лет) оценки не выставляются, учителя не объявляют, кто лучше всех сдал тест или контрольную, а результаты экзаменов в ВУЗах вывешиваются в закодированном виде.

Традиционно норвежская идентичность в меньшей степени привязана к социальному статусу, чем к географии, месту, где человек вырос. Если ты живешь в Бергене уже 40 лет, ты всё равно будешь говорить, что ты из Восса, потому что там ты вырос. Поэтому, когда мы знакомимся с новыми людьми, мы часто спрашиваем: «Откуда ты?». Лишь позже мы узнаем о профессии и работе – нас меньше интересует социальное положение друг друга или возможность выстроить какую-то иерархию. Кроме того, материальные ценности во многих сферах имеют более низкий статус, чем интеллектуальные.

Иностранцы быстро замечают, что норвежцы не склонны следовать формальностям в речи и поведении настолько, что другим это может показаться грубостью. Мы, как правило, сами не пользуемся титулами или званиями, поэтому можем забыть, насколько важны они в разговоре с людьми из других культур. Однажды я представляла (на английском языке) посла другой страны группе норвежцев. Хотя это был обычный разговор, он был обижен тем, что я сказала «господин

такой-то», а не «господин посол». Для него звание и место работы составляли важную часть идентичности.

Элегантный стиль в одежде свидетельствует об уважительном и вежливом отношении к своей компании. Иностранцы студенты на первую вечеринку в Норвегии часто приходят в своих лучших нарядах – в костюме с галстуком или в нарядном платье и на каблуках. Но позже они, как и норвежские студенты, приходят в обычной одежде, хотя и продолжают удивляться тому, что «богатые» норвежцы так просто одеваются. Возможно, сейчас стиль одежды в Норвегии стал меняться, но до последнего времени самая разряженная дама на вечеринке чувствовала себя неудобно. «Даже принцессы в норвежских сказках – простые девушки. У них нет красивых платьев и бриллиантов, а король оказывается милым фермером, который стоит на пороге и сучает по дочкам», – пишет студентка из Румынии.

Норвежцы неформальны и на работе. В офис не принято как-то особенно одеваться, даже если ты встречаешься с клиентами. По одежде редко можно отличить начальника от рядового сотрудника. Ректор, директор банка или главврач не обязаны являться на встречу или интервью на телевидении в костюме и галстуке. Иностранцы в Норвегии также бывают удивлены и сбиты с толку тем, как норвежцы общаются с руководителями, родителями и учителями: телефонистка на коммутаторе может отчитать начальника, медсестра – поставить на место врача, дочь может поспорить или сделать выговор своему отцу, а студент или ученик может быть категорически не согласен с учителем или преподавателем. Тот, кто не умеет принимать критику или иную точку зрения, не может быть хорошим руководителем или преподавателем, уверены норвежцы.

Редко можно определить статус собеседника по форме приветствия или званию в разговоре с начальником, священником, политиком или учителем (исключение составляют члены королевской семьи и президент норвежского парламента, Стуртинга, когда он находится в палате заседаний). Сегодня мы, как правило, обращаемся ко всем на «ты» и называем собеседника по имени или по имени-фамилии. Звания использовать не принято. Использование специальных форм приветствия или вежливых фраз в отношении начальства может восприниматься как подострастие, которое не слишком соответствует идеалам равенства. Начальника, который будет пытаться контролировать подчиненных и следить за ними или выдавать приказания на рабочем месте (если дело происходит не в армии), не потерпят, потому что авторитет не предполагает авторитарности. Хороший начальник должен не только хорошо знать свое дело, но и должен уметь слушать, сопереживать, принимать советы, строить команду, разрешать конфликты, успешно общаться и сотрудничать с работниками. Немецкий заводской рабочий рассказывает о стиле работы в Норвегии и Скандинавии: «скандинавский руководитель делегирует работу – и ответственность – работникам, не контролируя их постоянно. Норвежские работники отвечают за собственный труд, что создает благоприятную обстановку на рабочем месте».

Я не проводила специальных исследований, но убеждена, что культуры с «плоской» социальной структурой, как в Норвегии, требуют меньше и менее разнообразные коды поведения, чем «вертикальные» культуры с более выраженной иерархией. Мы верим, что, хотя бы на поверхности, у нас нет больших классовых различий и иерархий, но, что все равны и, соответственно, отношения должны быть равными. Иностранцам в результате бывает трудно сориентироваться в обществе.

«Теплые» и «холодные» культуры

В чужой культуре слабое представление о формах вежливости легко может стать источником недопонимания, недовольства и даже ощущения предвзятого к себе отношения. Норвежцы, как

правило, при встрече всем говорят «привет», «день добрый» или «утро доброе». Бывает, что некоторые студенты, особенно латиноамериканцы и африканцы, неверно толкуют эти короткие норвежские приветствия. Они отлично провели вечер с норвежскими студентами, но на следующий день, к их разочарованию, норвежцы бормочут «привет» и проходят мимо. Некоторые просто не могут этого понять и начинают думать, что норвежцы так с ними обращаются, потому что они иностранцы или они им не нравятся. Поэтому иностранным студентам надо объяснять, что просто сказать «привет» не считается грубым или холодным *среди норвежцев* – это обычное норвежское приветствие, знак простой вежливости. Студенты, может быть, приехали из стран, где при встрече со знакомыми принято завязывать короткую беседу – один из признаков «теплой» культуры в противоположность «холодной» норвежской.

Несколько лет назад, когда во время командировки в африканскую страну мы посетили 15-20 семей в сопровождении местного гида, я познакомилась с ритуалами приветствия в такой «теплой» культуре. Когда мы подходили к дому, один из членов семьи всегда встречал нас на пороге, и каждый раз завязывался разговор на пару минут. Звучало это примерно так: *Как Вы поживаете? – Спасибо, хорошо, а как Вы поживаете? – Спасибо, хорошо, а как Ваша жена? – Спасибо, хорошо, а Ваша? – Ваша мама, сын* и так далее. Каждый раз собеседник отвечал «спасибо, хорошо», даже если пожилая мать лежала тяжелобольная в одной из комнат. Для меня, привыкшей к норвежским формам приветствия, это выглядело несколько бессмысленно и бесполезно. Ответы были автоматическими и неискренними, весь ритуал казался потерей времени. Но важно сразу же добавить очень важный момент – это было потерей времени *для меня*. Исходя из моих ожиданий относительно приветствий, использования времени и слов, я не видела в этом никакой ценности. Но для двух людей на пороге это было дружественным, осмысленным и вежливым способом установить контакт и начать беседу, – возможно, так норвежцы говорят о погоде? Возникает вопрос: можем ли мы в принципе объективно говорить о «теплых» и «холодных» культурах?

Этикетные формулы – пустые фразы, жеманство или вежливость?

Когда мы гостим или живем в других странах, нам не хватает фраз и выражений, чтобы производить впечатление людей вежливых. Француз чувствует, что гость, который не говорит «приятного аппетита» перед обедом, не слишком хорошо воспитан. То же касается и человека, который протискивается мимо другого и не говорит «извините», даже если дело происходит в гостиной и он пытается сесть за стол. И, безусловно, есть масса причин, по которым французские бизнесмены считают директоров норвежских компаний людьми эффективными, но неэлегантными. Американцы отметили, что норвежец может покинуть группу людей, которые вместе разговаривают, не извинившись, а англичане часто называют норвежцев эгоцентричными. Ведь, когда нас спрашивают: «Как дела?», мы можем рассказать все о себе и не подумать спросить в ответ «А у тебя как?» Список можно продолжать до бесконечности.

«Подлинные» слова?

Многие иммигранты отмечают, что норвежцы не особенно щедры на вежливые выражения. Если они говорят или делают вам любезность, то это должно быть чем-то подлинным и искренним. А иначе не стоит себя утруждать. Норвежская деловая переписка – отличный пример. Деловые письма, как правило, пишутся людям незнакомым, или, по крайней мере, ситуация не предполагает личного общения. Тогда как по-английски мы всегда начинаем письмо с фразы «Дорогой Господин/Госпожа!», норвежцы избегают слов подобных «дорогой», потому что

никаких теплых отношений с получателем письма в данном контексте не предполагается. Также обращаясь к людям, в современной жизни мы редко пользуемся выражениями «госпожа» или «господин». Только, чтобы рассмешить кого-то, можем мы сказать: «Желает ли госпожа кофе?» Слово «мадам» по-норвежски вызывает ассоциации с полной, пожилой и немного надменной дамой. Слово «Господин» с определенным артиклем (*Herren*) буквально означает «Христос» или «Бог». Классическая шутка для урока норвежского – перевести: *Je vais aller à Paris pour chercher le Monsieur qui habite là* как «Я отправляюсь в Париж, чтобы найти Господа (*Herren*), который живет там».

По сравнению с другими культурами, и с этим не поспоришь, как замечают многие иммигранты, норвежцы располагают довольно скудным набором специальных фраз для выражения дружелюбия и вежливости. Но в норвежском есть ряд выражений, которые встретишь не во всех других языках, например: *takk for maten* (спасибо за угощение) – произносится, когда гости встают из-за стола: *vel bekomme* (на здоровье). Когда гость отправляется домой принято говорить *takk for meg* (спасибо за радушный прием), *takk for i kveld* (спасибо за приятный вечер), другим гостям говорится – *takk for laget* (спасибо за компанию). Когда гости или хозяйка встречаются в следующий раз, они говорят *takk for sist* (спасибо за приятно проведенное время). В некоторых районах пожилые норвежцы, когда встречают кого-то, кто ест или работает, говорят (*Gud vel-*) *signe maten* (Боже, благослови эту пищу) или *signe arbeidet* (благослови это дело). И каждый день ученики и учителя благодарят друг друга за проведенный вместе день (*takk for i dag*). (В норвежском, как и в других языках, вежливость можно выражать и косвенно: «*Kunne jeg få snakke litt med deg?*» (*Разрешите, я загляну на пару слов?*)).

Норвежцы привычно используют эти традиционные формулы, но, как утверждают многие, довольно скептически относятся к новым формам, особенно, если чувствуют, что фраза звучит неискренне. Выражения, пришедшие из американской культуры, для нас звучат слишком пустыми, поверхностными, на грани фальши или наивности. Когда американцы говорят друг другу «приятно познакомиться», норвежцы про себя думают: «хм... с чего бы им это говорить, если они нас вовсе не знают». Если норвежец что-то говорит, в словах должен быть смысл, поэтому, возможно, должно пройти время, чтобы мы привыкли к новым формам вежливости. Но начало уже положено и первые изменения приходят в городскую культуру. Сегодня все привыкли к тому, что в ответ на «спасибо за помощь» продавцы в магазинах отвечают «не за что» и на прощанье желают «хорошего дня». Эти порядки теперь быстро распространяются и за городом. Пожелание «хороших выходных» уже стало привычным, а в последнее время продавцы в деревне стали желать и «хорошего дня». Кому-то это не нравится и вызывает ощущение манерности и претензии на дружбу; можно думать: «Ко мне это не имеет никакого отношения!» или: «Это всего лишь пустая фраза – им просто нужны мои деньги». У нас также возникает чувство псевдоинтереса или фальши, когда по телефону продавцы обращаются к нам по имени и спрашивают «Как дела?», хотя мы никогда их в глаза не видели. Мы немедленно предполагаем, что продавец говорит «сладким» голосом, чтобы мы захотели что-то купить. Как правило, результат бывает прямо противоположным: большинство норвежцев раздражает такое псевдодружелюбие, и некоторые просто бросают трубку.

Хотя за последние десять лет мы, норвежцы, стали иногда «прикасаться друг к другу», мы по-прежнему редко при встрече обнимаемся и целуемся со знакомыми – только с близкими друзьями или кем-то, кто нам очень нравится. И при дружеском поцелуе вполне достаточно просто слегка коснуться щеки другого один раз! Здороваться за руку принято, когда тебя представляют кому-то, когда нас приветствуют как гостей и, когда мы благодарим друг друга за отлично проведенный вечер. Последнее время молодежь стала здороваться за руку при каждой

встрече. Объясняется это общением с иностранцами и тем, что молодежь смотрит много иностранных фильмов и видеоклипов.

Здесь уже говорилось, что норвежцы реже говорят «извините». Мы можем также говорить «прошу прощения» и «простите», используя, по сути, религиозные выражения (прости нам наши грехи, нашу вину). Протестанты, как известно, попадают в рай не за хорошие дела, но благодаря милости и прощению. Можно представить, что викингам было нелегко начать демонстрировать милость вместо мести, когда тысячу лет назад они приняли христианство. Согласно этой религии, человек несовершенен, ему свойственно ошибаться, поэтому он нуждается в прощении. Один писатель-мусульманин заметил, что христианам «повезло» с этой чертой религии: в христианских культурах принято проявлять милость и прощать людей, которые признают свои проступки.

Сегодня норвежские официальные лица, можно сказать, переусердствуют в том, чтобы просить прощения: Церковь, премьер-министр, прочие политики, лидеры и госслужащие просят прощения и понимания за то, что они сделали сами, или за совершенное в обществе в прошлом. Признавая ошибку, норвежцы, как правило, не утрачивают репутацию, как их азиатские коллеги. Главы компаний и министры просят прощения и получают его вновь и вновь, редакторы газет и журналисты также имеют право на достаточно большое число ошибок. Можно подумать, что норвежцы больше доверяют и симпатизируют властям, которые не претендуют на совершенство, потому что мы не ожидаем от лидеров и политиков более высоких моральных стандартов и большей добропорядочности, чем от других членов общества. «Они ведь тоже люди», – вздыхаем мы.

Собственный культурный багаж лучше познается во встрече с иностранцами

Большинство норвежцев считает само собой разумеющимся, что государство, если потребуется, придет им на помощь в самых разных ситуациях. Кто-то скажет, что норвежцы очень надежно защищены и требовательны к властям, поскольку мы хорошо ориентируемся в правах и считаем, что общество и государство «должны брать на себя ответственность».

Я преподавала в университете в одном восточноевропейском городе. Однажды вечером мы отправились пообедать с группой студентов. На улицах было темно – из экономии электричества фонари не горели и витрины в магазинах не светились. Вдруг студентка провалилась в яму на дороге. В темноте яма в полметра глубиной не была ничем огорожена. Я возмутилась, хотя девушка вскоре смогла идти самостоятельно. В моей норвежской голове сразу же возник вопрос: чья тут ответственность? Пока я раздумывала о дорожных властях, местных и государственных органах, страховых компаниях и компенсации, болгарские студенты ответили: «Конечно же, ответственность наша, тех, кто идет по улице».

Слабое знание языка, безусловно, причина большего числа недопониманий, но даже иностранцы, которые отлично понимают норвежские слова (может быть лучше самих норвежцев), всё равно могут попасть впросак. В норвежском языке присутствует много слов, заимствованных из немецкого, или буквально переведенных с немецкого на норвежский. Поэтому немцы быстро учат норвежский, к тому же языки принадлежат к одной языковой группе. Однако некоторые немецкие слова в норвежском приобрели новое значение. Одно из этих слов *middag*, которое буквально означает «в середине дня». Обозначает оно прием пищи, который в традиционной фермерской среде происходил в середине дня. Но сегодняшние норвежские женщины работают и учатся, поэтому в дневное время мужчина не может рассчитывать на теплый домашний обед.

При этом перерыв на работе редко длится больше получаса, и тогда сотрудники едят ланч. Поэтому норвежские семьи, как правило, собираются вокруг стола после работы между четырьмя и шестью вечера, а не в обеденное время, но едят они по-прежнему *middag*.

Немецкая семья, которая свободно говорила по-норвежски, пригласила норвежскую пару на *middagsmat* (обед, по-немецки *mittagessen*, который в Германии едят между полуднем и двумя часами). Горячая еда была готова между двенадцатью и часом, но норвежцев не было. В четыре они пришли и похвастались: «Мы так рано закончили работу, что по дороге успели помыть машину». Немецкие хозяева промолчали, но про себя подумали, что это было верхом грубости. Но норвежская пара, само собой, не стала извиняться за то, что они пришли на обед к четырем.

Многие норвежцы считают идеалом называть вещи своими именами, переходить сразу к делу, четко говорить то, что ты хочешь сказать. Для большинства норвежцев не проблема спросить, где находится туалет. Нам кажется, например, что американцы слишком усложняют понимание, когда вместо слова «туалет» говорят «ванная комната» или «комната отдыха» (*restroom*). Норвежка, не слишком просвещенного в области этих эвфемизмов, в аэропорту Нью-Йорка встретила семья знакомых-американцев. Его спросили: «Тебе нужно в комнату отдыха?» На что он ответил: «Нет, спасибо, это можно сделать в машине».

Как вежливо ответить «нет»?

Конечно, большим обобщением было бы утверждать, что норвежцы могут отказаться лишь одним способом, т.е. буквально сказать «нет». В моменты вежливости мы вполне можем сказать «нет, прости», но нам трудно понять чей-то вежливый отказ, если в нем не звучит слово «нет». Норвежцы, которые делают бизнес в других странах, возвращаясь домой, жалуются, что людям там невозможно доверять, они дают обещания, но не выполняют их. Ответы могут оказаться нечеткими и загадочными – для норвежцев – когда из вежливости и, возможно, из уважения и расположения к гостям, хозяева используют язык жестов, идиоматические выражения, которые кажутся корректными, вежливыми и ясными для людей «местных».

Я сама не могу забыть один такой случай недопонимания. В Сенегале, в Западной Африке я в 90-х годах участвовала в проекте Красного креста, причем мне, среди прочего, предстояло купить участок земли. Меня сопровождал сенегалец. История получилась длинная, но в конце концов нам рассказали о семье, которой принадлежала земля на периферии Дакара (столицы государства). Посреди поля мы встретили мужчину, которому показали чертежи здания и объяснили наши планы. На все, что мы говорили, он кивал. В завершении разговора он улыбнулся и по-французски сказал, что для него честь продавать землю организации, которая столько хорошего делает для Сенегала и всего мира, и, что он надеется, что здание будет таким, как мы запланировали. Мы пожали руки и разошлись, и я с облегчением решила, что мы получили землю, зная, что через несколько дней мне предстоит уехать. Однако сопровождавший меня сенегалец заверил меня, что никакой земли мы не получили. Поразительно! От возмущения я была готова вернуться и как северная женщина спросить: «Так имелось в виду «да» или «нет»?», но сенегалец не сомневался, что ответ был негативный. Надо было продолжать поиски.

Я была в совершенном замешательстве. Ведь мне было понятно каждое слово нашего короткого разговора – но язык состоит не из одних только слов. Я не справилась с интерпретацией невербальной информации – тона голоса, пауз, языка жестов (выражения глаз, движения рук, мимики) – всего, что скрывалось за его вежливым поведением и взаимодействием между мужчиной и нами, покупателями, в этой конкретной ситуации. Другими словами, я не смогла «прочитать» вежливого мужчину, представлявшего иную культуру, хотя и понимала его слова. Интерпретировать вежливое «нет» со всеми сопутствующими непрямыми сигналами – это,

вероятно, самый сложный речевой акт для иностранца. И лишь ему известно, как он понял меня. Собственно, во взаимодействии людей не существует возможности не сообщать информацию. Потому как независимо от того, что я делаю или не делаю, говорю или молчу, у другой стороны складывается определенное мнение обо мне.

Когда иностранцы из вежливости не включают твердого «нет» в свои ответы на наши вопросы, норвежцы могут не оценить этого. Если мы спрашиваем вьетнамца или египтянина дорогу, они все равно стараются помочь в меру своих возможностей. В их культуре считается невежливым даже не попытаться, особенно если перед ними иностранец – ведь это гость в их стране и с ним надо обращаться дружелюбно. Такая вежливость может привести тебя в совсем другую часть города. Одно из первых, чему иностранцам стоит научиться в Норвегии – отвечать четко «да» (с удовольствием) или «нет» (к сожалению) в ответ на вопросы и приглашения. Иначе они рискуют обрести себе врагов или приобрести репутацию людей ненадежных.

Норвежская вежливость может оказаться невежливостью для других

То, что норвежцы ожидают прямого ответа, может иметь массу серьезных последствий. Например, радушие жителей региона Суннмёре (на северо-западном побережье Норвегии) может оказаться практически убийственным для азиатов, приглашенных на обед. Моя мама не может отпустить продавцов благотворительных лотерейных билетов, не угостив их кофе со сладостями. Когда же она пригласила в гости корейского знакомого, он, конечно же, должен был получить полный обед, чтобы почувствовать себя желанным гостем. Она посылала тарелки по кругу вновь и вновь, и гость каждый раз угощался. Те, кому приходилось встречаться с пожилыми хозяйками из Суннмёре, которые практически впихивают еду гостям и умоляют не пропускать добавку, поймут ситуацию. После привычных нескольких подходов и еще двух-трех дополнительных, норвежец может вежливо и ясно сказать «нет, спасибо» и никто ему перечить не станет. В Азии, напротив, считается нелюбезным отказаться от добавки, если ее предлагают, но хозяйка, как правило, следит за гостями, чтобы остановиться вовремя. Мама была рада, что ее еда понравилась, но, в конце концов, решила – «бедняга, какой же он был голодный». Тем временем гость умолял про себя «Теперь она должна остановиться, она же понимает, что уже достаточно». Мама также не упускала гостя из виду, поэтому она спросила, не хочет ли он вздремнуть после обеда. На что он с радостью согласился.

Постучаться прежде, чем войти в кабинет, считается обычной вежливостью в Норвегии. За 17 лет преподавания иностранцам, мне пришлось столкнуться со многими студентами, которые просто открывали дверь и входили без стука. Первая реакция, если мы не знаем другого объяснения, – какая невоспитанность, никаких манер! Но во многих африканских странах в дверь стучат лишь грабители, чтобы узнать дома ли хозяева. Когда Библию переводили на некоторые африканские языки, вместо «се, стою у двери и *стучу*», Иисус должен был говорить «се, стою у двери и *кричу*».

Мы с детства приучаем детей убирать за собой и считаем это воспитанным поведением. В Норвегии практически нет дворников, которые убирали бы улицы и парки ночью, как во многих странах. Норвежцы также не нанимают слуг, а в столовой на работе или в школе мы сами убираем за собой стаканы и чашки. Но иногда наши хорошие привычки могут сослужить дурную службу. В столовой в болгарском университете пожилая женщина несла тяжелый поднос со стаканами и тарелками. Она выглядела очень уставшей, поэтому по норвежской привычке я попробовала сама отнести свои чашки и тарелки. Но студенты мне не позволили: «если все начнут сами за собой убирать, она останется без работы».

Из-за высоких заработков в Норвегии и принципов социального равенства норвежцы могут непреднамеренно оказаться невежливыми во время путешествий в другие страны. Мы не задумываемся о том, что носильщики и уборщицы в гостинице зарабатывают мало, причем зарплата рассчитывается с учетом предполагаемых чаевых. Норвежцы могут показаться скупыми и невежливыми, когда мы не даем чаевых за различные услуги, но мы не привыкли к этому дома.

Также существуют культурные коды вежливости для обмена подарками и услугами. Норвежцы, как правило, не любят оставаться в долгу, поэтому получая подарок или помощь, мы стараемся при первой же возможности отплатить чем-то равным. Многие из нас не любят занимать деньги и при первой же возможности возвращают даже 20 крон, независимо от дохода того, у кого мы заняли.

Когда норвежцы дарят подарки, их размер или стоимость не важны. Главное, чтобы он соответствовал вкусу и ценностям получателя. Китайский студент однажды заметил: «Когда норвежцы дарят подарки, они долго изучают, что должно понравиться тому, кто его получит, – цвет, материал и стиль. Обратное в Китае я беру с собой 20 кукол в национальных костюмах. Все, кто живет у нас на улице, получит одинаковые подарки, потому что главное – внимание». В Норвегии принято открывать подарки в присутствии гостей, иначе могут посчитать, что вы не благодарны или не цените того, что получили. Между тем вежливый азиат никогда не распаковывает подарки сразу, потому что так он показывает, что гости для него важнее. Норвежец может смутить гостя, если все увидят его подарок, утверждают китайские студенты. Если он подарил что-то незначительное или дешевое, китайцу будет неудобно. Они объясняют, что в Китае быть бедным стыдно, и дома дешевый подарок может намекнуть на это. Некоторые иностранцы считают норвежцев невежливыми, когда те берут подарок двумя реками, а студент из Туниса рассказывал, что норвежцы слишком преувеличенно радуются подаркам: «Они благодарят и благодарят и столько раз повторяют, что подарок отличный, будто они удивлены, что ты мог себе его позволить!».

Отказываться от подарков невежливо, но в Норвегии это может оказаться необходимым. Госслужащие не имеют права принимать подарки дороже определенной суммы, потому что подарки могут повлиять на решения, касающиеся дарителя или его семьи. Клиенты, как правило, не дарят подарков поставщикам, поскольку все получают зарплату, и хорошо сделанная работа не является чем-то исключительным и заслуживающим особого внимания. Кроме того подарок могут истолковать как взятку, т.е. желание дарителя добиться преимущественного отношения со стороны получателя.

Норвежцы, например, с удивлением наблюдают за иранцами, которые ожесточенно спорят из-за того, кому оплачивать счет в ресторане за всю компанию за столом. У нас чаще всего каждый платит за себя, и мужчины и женщины, за исключением близких членов семьи. Когда норвежцы получают общий счет в ресторане, они вполне могут достать карандаш и бумагу и подсчитать точно до кроны, кто сколько должен. И это воспринимается не как жадность, а как знак независимости. Мы справимся сами, чтобы не чувствовать себя никому должным. Норвежцы, конечно, рады, когда друзья и знакомые приглашают их выпить чашку кофе или пообедать в ресторане – но в рамках разумного, и в таких случаях они предпочитают заранее знать, что их угощают. Если я человек взрослый и у меня есть работа, как правило, мне не понравится, что кто-то слишком много тратит на меня, если это не близкие члены семьи. Нам кажется, что мы стали обузой, нам неудобно, если кто-то тратит деньги и на наш ужин, и на поход в театр и на концерт, и на поездку на поезде и так далее. Нам придется потратить примерно столько же, чтобы не чувствовать, что нас «покупают», или, что мы что-то кому-то должны.

Я уже писала, что норвежцы считают невежливым хвалиться своими достижениями, привлекать к себе внимание. Но в других странах скромное поведение и простота не всегда срабатывают. Переводчица, которая когда-то училась в Университетском колледже Волды, переводила для одного норвежского министра во время его поездки по Японии. В речи, обращенной к политикам, министр, в том числе, признался: «Во многом мое основное образование – воскресная школа». Японская студентка знала, что такое воскресная школа, и даже поняла, что министр – по норвежской привычке – умышленно преуменьшает свой статус, чтобы создать впечатление человека из народа. Студентка решила не переводить фразу на японский, понимая, что уважения и доверия хозяев такими словами не добиться, скорее напротив.

«Если хочешь заработать себе проблемы в Норвегии, опаздывай!» говорю я своим студентам-иностранцам. Норвежцы считают, что опаздывать на встречу, занятия и особенно, если вы приглашены на обед (хотя на студенческие вечеринки можно приходить позже назначенного времени) – проявление безалаберности и невежливости. Также руководители, политики и прежде всего королевская семья – чрезвычайно пунктуальны. Мы знаем выражение «в чужой монастырь со своим уставом не ходят», но система вежливости часто состоит из неписанных правил. Когда норвежцев приглашают на обед французы, они приходят, как и принято в Норвегии, точно в назначенное время, тогда как французская вежливость в этой ситуации предполагает, что вы появитесь на пороге минут на двадцать позже оговоренного. От собственных культурных идеалов и принципов вежливости трудно отстраниться даже в культуре, где, как мы знаем, традиции совсем другие. Моя сестра, 26 лет прожившая на юге Европы, те же 26 лет возмущалась нежеланием людей следовать договоренностям и не опаздывать. Приглашая людей на ужин в восемь, ожидать их можно не раньше десяти. Их с мужем иногда приглашают в гости к восьми, и сестра настаивает на пунктуальности, хотя и знает, что хозяева могут оказаться в магазине или в душе. И каждый раз возмущается!

Иностранные студенты и иммигранты хорошо отзываются о норвежских привычках

Мне интересно наблюдать за тем, какие основные черты, точки зрения и ценности норвежцев выделают иностранные студенты и иммигранты в своих сочинениях, статьях и книгах. Некоторые примеры могут послужить материалом для объяснения норвежской невежливости или вежливости в широком смысле этого слова.

Многие пишут, что норвежцы празднуют день рождения (а не именины), и особенно отмечают сочельник и Национальный день, что «они тратят массу электричества, платят большие налоги и непоколебимо верят в то, что диалог может разрешить любые конфликты». Норвежцы, как правило, не любят соревноваться, но озабочены тем, что могут потерять независимость в принятии собственных решений и с подозрением относятся к любой централизации власти. Люди здесь часто жалуются, хотя и уверены в том, что Норвегия – страна, где лучше всего жить. Среднестатистический норвежец имеет дачу на море или в горах, всюду читает газеты, снимает обувь в гостях, питается картошкой, пьет молоко и много кофе, ест мюсли на завтрак и кашу по субботам и следит за зубами. Норвежцы при любой возможности сидят на солнце и ездят в отпуск в теплые страны. Они боятся растолстеть, «поэтому и люди, и собаки бегают трусцой». Всем позволено собирать ягоды и грибы, купаться и гулять даже в частных владениях и на фермах. Здесь строгие правила против вождения автомобиля в нетрезвом виде, но нет ограничений по тому, сколько гости выпивают на вечеринке. Коренные норвежцы редко говорят о религии, и даже священники не читают Библию в автобусе («если норвежцы не ходят в церковь

по воскресеньям, почему это все равно выходной?»). Норвежцы гордятся достижениями в спорте, природой и свежим воздухом, «они народ мирный, потому что они вручают Нобелевскую премию мира», и они жертвуют много денег во время всевозможных благотворительных кампаний.

Норвежцы никогда не кричат и не ругаются на улице (кроме пьяных), они редко разговаривают с незнакомцами. Румынский студент пишет в сочинении: «Я стал привыкать к норвежской жизни – тоже стал необщительным. (...) Азиаты и норвежцы одинаково замкнуты, они же вообще перестанут разговаривать!» Многие отмечают, что поведение норвежцев меняется, как только они оказываются в лесу или в поле, сразу за пределами жилого массива. Тогда они начинают здороваться со всеми встречными и даже останавливаться поболтать с совершенно чужими людьми.

После нескольких дней в Норвегии многие уже знают, как норвежцы близки к природе. Английский студент объясняет: «Именно норвежцы, Нансен и Амундсен, первыми добрались до Северного и Южного полюсов, не жители «Англии-супермаркетов». Полярники – идеал нации, поэтому, если норвежец не идет в поход в воскресенье, ему бывает стыдно. Они особенно довольны собой после опасных горных путешествий, и, в идеале, вернувшись домой, норвежец должен быть мокрым, замерзшим и голодным». Студент из Венесуэлы недоумевает, зачем норвежцы «поднимаются на километры в горы, где всего-то и есть, что камни и трава. Им нравится быть в одиночестве на вершине, есть бутерброды и пить кофе из термоса».

Из-за длинной береговой линии в Северном море погода может меняться моментально. Для фермеров и рыбаков температура, осадки и ветер очень много значат, и, когда норвежцы планируют поход в горы, без прогноза погоды не обойтись. Погода – надежная и безопасная, не связанная с политикой, тема для разговора, в котором все могут участвовать. Студентка из Таиланда отметила, что норвежцы часто начинают разговор с обсуждения погоды, – какая погода сейчас по сравнению с прошлым годом и какая будет вечером и на следующий день. Она продолжает: «Многие норвежские романы описывают природу и погоду. Норвежцы особенно внимательны к прогнозам на радио и телевидении. Они по несколько раз в день проверяют, какой будет погода, а некоторые ведут журнал температуры и осадков. В Таиланде мы никогда не говорим о погоде – она всегда хорошая, – но в Норвегии я сама начала следить за ветром и температурой. Однажды я звонила маме в Таиланд и спросила как там погода. Она испугалась, что приближается шторм: “Ты слышала какие-то плохие новости?”»

Многие иностранцы жалуются из-за постоянного дождя, а у некоторых складывается впечатление, что «все норвежцы ходят в куртках с капюшоном, и даже у малыша должен быть свой зонтик». Турецкий студент, предпочитавший сидеть дома при температуре ниже десяти градусов, пишет: «Норвежские дети играют на улице в дождь и слякоть, норвежцы бегают трусцой по снегу и ходят в поход при любой погоде. Даже беременные женщины, старики, которым за 80, и четырехлетние дети ходят в длинные лыжные походы!».

Некоторые иммигранты привыкли дома заканчивать рабочий день или неделю за кружкой пива с коллегами. Когда норвежцы отказываются присоединиться, их считают замкнутыми.

Но в Норвегии такой традиции никогда не было: после работы и папы, и мамы должны забрать детей из детского сада или отвезти их на занятия музыкой или спортом, сходить в магазин, приготовить обед, чтобы потом отправиться на репетицию хора, в фитнес клуб, на встречу политической партии или какой-то организации.

Некоторые студенты отмечают, что норвежские водители автобусов чаще бывают в хорошем настроении и рады помочь, а машины пропускают людей, переходящих улицу, даже если те не

идут по переходу. Многим нравится, что норвежские шоферы не сигналият. Также многим приятно, что владельцы собак держат их на поводке и гуляют с пластиковым пакетом, куда убирают за собакой на улице, тротуаре или в парке.

Особенно странным иностранным студентам кажется обычай зажигать свечи на обеденном столе даже солнечным летним днем, украшать елку норвежскими флагами, продолжать говорить на диалекте, получив высшее образование, петь популярные песни на диалекте или английском, раскрашивать деревянные дома в самые разные цвета, сажать на крыше траву и мастерить маленькие деревянные подставки под почтовые ящики и мусорные ведра.

Для многих самое странное – это то, что и папы имеют право уйти в декрет с сохранением полного заработка, когда у них родился малыш, и, что социальные службы могут забрать из семьи ребенка, если о нем недостаточно заботятся. Все дети получают социальные выплаты в возрасте от 0 до 16 лет, и сумма не зависит от дохода родителей. Некоторых также удивляет, что и родителей, и учителей могут судить, если они ударят непослушного ребенка. Некоторые спрашивают хорошо ли, что мужа могут посадить в тюрьму за то, что он ударил жену или дочку, и может ли у тебя быть несколько парней или девушек до брака. Студенты сталкиваются с тем, что норвежские девушки могут пригласить парня танцевать и за этим ничего не последует, а некоторые поняли, что многие норвежцы не хотят жениться и заводить детей; дети рано ложатся спать, поэтому их никогда не встретишь с родителями в ресторане вечером.

Также непривычным может оказаться, что норвежские мужчины здороваются за руку с женщинами, а не только с мужчинами; то, что норвежские мужчины моют полы, пекут хлеб и могут работать в детсаду. Некоторых возмущает, что гомосексуалисты и лесбиянки могут быть священниками, и в церкви есть епископы-женщины. Иностранцы также удивляются, что камеры в норвежских тюрьмах выглядят как неплохо обставленные квартиры с компьютером и телевизором, что премьер-министр выстаивает очередь на почте наравне со всеми, а король может гулять по улице пешком или ездить в кабриолете. Норвежские дома «выглядят как музеи, со множеством украшений и картин по всем стенам». Также удивляет, что в субботний вечер нельзя зайти к норвежцам в гости без приглашения, а в школе есть занятия на природе и такие предметы как приготовление еды и вязание, а также, что в Норвегии личные отношения в бизнесе приравниваются к коррупции. Некоторые считают, что церковные кладбища и сады вокруг домов инвалидов «выглядят как парки для влюбленных, а не места для умерших и больных».

Из того, что не нравятся, часто упоминают, что пожилые родители и родственники живут в домах престарелых, что семьи не сплоченные, что норвежская молодежь не интересуется политикой. Многих возмущает то, что преступников защищают, полиция наивна, а в газетах и вообще в обществе слишком много говорят о сексе. Некоторые считают, что норвежцы настолько боятся морализировать, что вообще не могут давать советов, что они стесняются, когда хвалишь их английский, и что они не представляют себе, как прилично одеваться на работу. Для многих норвежское общество строго регулируется, многое запрещено, все надо делать быстро, эффективно и с пользой. А называть норвежское лето летом сильное преувеличение!

Иногда мы читаем неожиданные положительные отзывы о вещах, которые норвежцы считают чем-то само собой разумеющимся. Например, норвежцы могут прожить на одну зарплату, матери-одиночки и разведенные уважаемым и могут быть министрами, норвежцы могут критиковать министров, политиков, епископов и других представителей властей, не опасаясь

преследований; инвалиды могут получать образование; все могут получить кредит на обучение; учителя не просто проверяют ошибки, а выделяют положительные стороны работ учеников. Некоторых удивляет, что депутаты-мужчины стуртинга предпочитают проводить больше времени с семьей, а не строить политическую карьеру. В том, что касается распределения ролей в семье, иностранцы, в основном, отмечают положение женщины: она может самостоятельно решить сделать аборт, может не соглашаться с мужем в присутствии посторонних и «может сидеть на диване, пока муж подает ей и подругам кофе». Женщины не реже мужчин подают на развод и имеют равные с мужчиной права в отношении детей и раздела имущества. Очевидно, что норвежский брат не имеет права принимать решения за сестру и не может ее ударить, что норвежские подростки независимы (в 15 лет они могут вступать в организации и сами решать вопросы учебы и религии). Девушки и парни могут дружить не вызывая никаких кривотолков. Для многих иностранных студентов удивительно, что в Норвегии одинокие мамы или беременные женщины учатся в университете и, что «только в Норвегии разведенная мама могла жениться на принце и готовится стать королевой».

«Возможно, у норвежцев другое чувство юмора, чем у людей в других странах», пишет студент из Ливана. Он продолжает: «Один мой друг гулял в парке в Бергене. Рядом с ним на скамейке сидел человек и пил пиво. Мимо проходила пара, и пьяный, показывая на женщину банкой пива, говорит мужчине: «Мне нравится твоя баба!» Мужчина улыбнулся и ответил: “Мне тоже!”».

Другой студент с изумлением прочитал в газете (2004 г.): «Посетитель норвежского ресторана хлопнул проходящую мимо официантку по попке и заплатил 6000 крон штрафа!»

Также иногда вызывают недоумение отношения между родителями и детьми: норвежские дети могут говорить с родителями о чем угодно, например, о том, как устроен человеческий организм, болезнях, половой жизни и смерти. «Норвежские родители продолжают любить своих детей и помогать им, даже если они гомосексуалисты или рожают детей вне брака, или становятся преступниками или наркоманами».

Норвежские граждане принимают за должное то, что «государство вежливо к людям в этой стране», как пишет студентка из Азии. Например, для нее не само собой разумеется то, что празднование Национального дня 17 мая проходит без парада военной техники, то, что наркоманам пытаются помочь, есть программы снижения насилия в семьях, а сексуальные домогательства в отношении детей и женщин преследуются по закону. «Больше всего в норвежской культуре мне нравится, наверное, то, что вина ложится на насильника, а не на девушку и ее семью». Она также пишет, что пять недель оплачиваемого отпуска в год (шесть недель для тех, кому за 60) – очень щедрый подарок от государства и работодателей. Ливанский благодарен властям за то, что они послали вертолет, чтобы спустить его земляков с горы после несчастного случая, и, что в больнице знакомому лечили растянутую лодыжку, не спросив имени, национальности или номера страховки. Некоторые отмечают профессиональный подход и понимание при лечении психических заболеваний, и то, что человека попытавшегося покончить с собой в Норвегии не сажают в тюрьму – вместо этого ему помогают.

Когда начинаешь прямо спрашивать о невежливости норвежцев, иностранные студенты поначалу бывают довольно уклончивы. Не все любят рассказывать о своих представлениях о невежливости, потому что это невежливо! Но со временем некоторые черты всплывают: использовать зубочистки в ресторане странно и многим кажется невежливым. Норвежцы редко делают друг другу комплименты относительно внешнего вида, они могут разговаривать с другими и при этом держать руки в карманах. Норвежские официанты швыряют тарелки на стол, вывески здесь невежливые («Вход воспрещен!»), норвежские туристы в других странах ходят по городу в спортивных костюмах, и «странно, что, если ты взял займы 10 крон или подсвечник,

они ожидают, что ты их вернешь, даже если они очень богаты и у них полно подсвечников». Некоторые вспоминают о «норвежской руке», когда речь идет о поведении за столом: во многих культурах принято просить соседа передать тебе соль, «но норвежцы тянутся рукой поверх тарелок соседей, чтобы взять соль самим, не извиняясь».

Разные люди по-разному судят о культурных чертах и привычках норвежцев

Два человека из одного города или семьи вполне могут иметь разные мнения относительно культурных черт и привычек, потому что наши личные ценности и приоритеты формируют наши суждения не в меньшей степени, чем более конкретные культурные нормы и идеалы.

Студенты из одной страны, например, могут быть абсолютно не согласны в вопросе уголовных наказаний в Норвегии. Кто-то считает, что это «само собой разумеется, что страна, вручающая Нобелевскую премию мира, не применяет смертную казнь», другие же уверены, что смертная казнь может быть необходима, и что «максимальный срок в 21 год – слишком мало, если учесть, что большинство преступников в Норвегии выходят на свободу, отсидев лишь 2/3 срока». В Норвегии не лишают свободы детей младше 15 лет, тогда как многие студенты считают, что тюремное наказание может предупреждать преступления в любой возрастной группе. Некоторые считают, что в «такой либеральной стране» должна быть законная помощь больному уйти из жизни, эвтаназия.

Признаки доверия и авторитета и определение чести разнятся от культуры к культуре. Как я уже писала, в Норвегии принято признавать свои ошибки; это даже может вызывать симпатию и доверие, причем в той же степени к политикам и руководителям, как и к простым людям. Но в других культурах подобная слабость может считаться непозволительной. Японский студент, например, пишет: «японцам неловко слышать, когда норвежские власти признают ошибки», а студентка из Сомали так характеризует свою культуру: «Мы не видим смысла в том, чтобы признаваться в чем-то, потому что это ведет лишь к унижению. Чем дольше ты можешь отрицать ошибку, тем дольше остаешься в почете».

Многие иностранцы отмечают, что норвежцы – народ тихий: заметив знакомого, они не станут кричать через весь банковский офис, магазин или автобус, они не болтают с другими пассажирами автобуса или поезда и никогда не ходят в гости без приглашения. Как истолковать эту молчаливость и сдержанность – как безразличие или как заботу? Многие иностранцы привыкли, что при встрече правильно расспросить знакомого о семье и последних новостях. Студентка из России считает по-другому: «Мне нравится, что при встрече норвежцы просто улыбаются и говорят «привет». Тут никто не лезет в мою частную жизнь. Мне не нравится, что в моей стране всем всё любопытно и тебя обо всем расспрашивают. Если им что-то неизвестно, они просто гадают, и так распространяются слухи». Студент из Эфиопии считает, что дома пора прекратить пользоваться традиционными длинными ритуалами приветствия. Когда он бывает дома на каникулах, доходит до того, что он бывает не рад выйти из дома, потому что родственники и знакомые готовы бесконечно вести беседы – и пить кофе. Разговор может занять полдня, и ему кажется, что экономика в стране никогда не будет развиваться, если люди не станут беречь время друг друга.

Семья иммигрантов из Марокко недавно въехала в многоквартирный дом в Кристиансанде. Они ждали, что жильцы из расположенных рядом квартир заглянут к ним с небольшим угощением или подарком, чтобы их поприветствовать. Соседи не пришли, так что все в семье, особенно мама, обиделись и посчитали соседей невежливыми и негостеприимными. Другие иммигранты,

привыкшие к такому же приему, однако, решают: «В принципе хорошо, что соседи не приносят еду и не предполагают, что мы будем болтать до бесконечности, когда мы устали с дороги и всюду стоят нераспакованные коробки и пакеты»

Случается, что иностранцам нравится невозмутимость норвежцев, но некоторые думают, что им не хватает темперамента. Американский студент ехала на автобусе по короткой извилистой дороге в западной части Норвегии. Справа дорога резко обрывалась прямо во фьорд. Автобус резко затормозил за поворотом, и американец с ужасом увидел машину, одно из колес которой сошло с дороги, так что в любой момент она была готова перевернуться и рухнуть в воду. Он вскочил и хотел выбраться из автобуса, чтобы как-то помочь. Норвежские пассажиры тем временем лишь повернули головы, чтобы поглядеть, почему автобус остановился. Увидев, что случилось, они продолжили сидеть и ждать отправления автобуса.

Другим иностранцам не нравится, что норвежские дети и подростки не всегда уступают пожилым людям место в автобусе. Согласно правилам воспитания, они должны встать, однако норвежская молодежь, возможно, привыкла, что пожилые чаще всего садиться отказываются, потому что, вероятно, не хотят, чтобы их воспринимали как старых и слабых, к тому же в Норвегии они, как правило, старики бывают в очень неплохой физической форме.

Норвежские дети и подростки редко считают нужным вести себя особенно вежливо в присутствии взрослых. Можно считать это признаком плохого воспитания, но норвежцы скажут, что уважение и страх – разные вещи. Детей учат спорить со взрослыми, если те ведут себя несправедливо или без уважения. Кто-то скажет, что тут мы зашли слишком далеко. Во многих культурах никто не ставит под сомнение, что пожилым людям нужно оказывать почтение. С этим согласны многие норвежцы, но далеко не все. Можно услышать, что пожилых стоит уважать только, если они заслужили это уважение, тогда как многие из них вечно всем недовольны, всех критикуют и осуждают без причин и постоянно жалуются на молодежь – за что же их тогда уважать? Кроме того, уважение предполагает взаимность: представители старшего поколения также должны уважать детей и подростков и быть с ними вежливы.

Многие студенты-иностранцы только рады иметь собственную комнату в общежитии, другим же так жить одиноко и грустно. Иностранцам может казаться безответственным, когда младенец всего нескольких недель отроду получает собственную комнату, а подросток отвечает за собственный бюджет и принимает важные решения самостоятельно. Для кого-то странно, что норвежские родители не платят за образование детей, позволяют им снимать комнату уже в 18-20 лет и мало следят за тем, чем дети заняты в свободное время и с кем общаются. В качестве объяснения можно привести результаты исследования журнала *Samfunnsspeilet* 1998 г. Когда 1 127 норвежских родителей спросили, что они считают самым важным в воспитании детей, 92% ответили «научить их брать на себя ответственность», 88% поставили на первое место самостоятельность (и лишь 11% были озабочены воспитанием в детях трудолюбия). Результаты исследования, безусловно, были бы такими же и сегодня.

Семьи иммигрантов, у которых рождаются дети в Норвегии, часто получают в подарок от соседей подержанную детскую одежду. Кто-то видит в этом признак заботы и вежливости, другие бывают возмущены, что их посчитали бедными или унизили. Но малыши вырастают из одежды, прежде чем она изнашивается, и норвежцам жалко ее просто выбрасывать. Совершенно нормально отдавать такую одежду другим семьям, где рождаются дети, также и покупать вещи на «блошином рынке» или в магазинах «Армии спасения».

Мнения о норвежских подростках очень разнятся. Студент из Латвии отметил, что «типичная норвежская девушка почти не пользуется косметикой, любит загорать, ходит в удобных и

прочных ботинках и таскает рюкзак». Для кого-то это неженственно, другим нравится такой естественный стиль. Тот факт, что «норвежские девушки не слишком скромно одеваются, пьют пиво и возвращаются домой за полночь» расценивается и как свобода, и как низкий уровень морали. Студентки из стран Востока часто отмечают, что норвежские парни вежливы, потому что они не глазят на девушек и не свистят им вслед. Другие же считают невежливым недостаток внимания и интереса. Латиноамериканская студентка проводит такое сравнение: «У нас дома парни делают комплименты: у тебя такой красивый рот, такие шелковистые волосы, а мой норвежский ухажер отмечает только, если у меня что-то получается. Например, он может сухо заметить: «У тебя нормально получилось!», когда я скатилась на лыжах с высокой, крутой и опасной горы!»

Как и многим норвежцам, иностранным студентам не нравится, что курить приходится на улице в любую погоду, но особенно азиаты довольны тем, что в общественных помещениях зданиях курить запрещается. Индонезиец написал в сочинении на эту тему: «Я бы расцеловал министра, который ввел закон о курении!» Некоторые удивляются, что продавцы в магазинах всерьез проверяют, что молодым людям, которые покупают сигареты или пиво, действительно исполнилось 18 лет (а вино в магазинах государственной монополии «Vinmonopolet» можно покупать только с 18 лет, крепкие напитки – с 20 лет).

Иностранцы, конечно, по-разному оценивают норвежские обычаи, исходя из собственной культуры. Некоторые считают, что норвежцы на работе улыбаются слишком редко, другие, – что часто. Студент из Ирака однажды написал в сочинении, что в первый раз он увидел улыбающегося полицейского в Норвегии. По мнению одних студентов-иностранцев, норвежские преподаватели слишком много шутят – они авторитетные люди и должны быть серьезны. Другие чувствуют облегчение от того, что профессора или начальники бывают в хорошем настроении, смеются на работе и не боятся признавать свои ошибки. Кого-то из иностранцев возмущает, что беременные женщины ходят на работу и продолжают вести активный образ жизни, и что после родов женщина не лежит в постели, а семье с новорожденным никто не помогает по дому. «Норвежки – очень сильные, они могут беременные заниматься спортом и даже грести», пишет студентка из Индии.

Культурно обусловлено, вероятно, и то, какие отношения мы считаем достойным называть дружбой. Норвежцы часто слышат, что иммигранты с трудом находят себе друзей в Норвегии. Но один американец пишет, что однажды подружившись с норвежцем, приобретаешь себе друга на всю жизнь, на норвежских друзей всегда можно положиться, и они всегда выполняют обещания.

Большинство норвежцев не считают нужным придерживать дверь перед теми, кто идет за ними. Немецкая студентка нашла этому такое мягкое объяснение: в Норвегии так мало людей, что придерживать дверь, когда выходишь бессмысленно – следующий пройдет здесь минут через десять.

Иностранцы часто замечают, что норвежцы раздражаются, если их перебиваешь, и не любят, когда собеседник стоит слишком близко к ним, однако для них важно, чтобы он смотрел им в глаза – встреча взглядами означает честность и открытость. Кто-то уверен, что норвежцы самодовольные расисты, для других норвежцы слишком вежливы и слишком осторожны в оценке других культур и народов, настолько «вежливы», что невозможно узнать, что же они на самом деле думают. В других ситуациях норвежцы говорят все прямо и четко: «В разговорах и норвежские женщины, и мужчины могут категорически не соглашаться друг с другом, но при

этом они остаются друзьями». Норвежские врачи также чаще всего без обиняков сообщают серьезные диагнозы. Они ничего не скрывают от пациентов, и иммигрантам это может показаться жестоким.

Трудно быть «правильно» невежливым

Вежливость и невежливость – понятия относительные, в том числе и в рамках одной культуры, города или деревни. Использовать в речи ругательства, как правило, считается неприемлемым и невежливым, причем подбирать верные слова в чужой культуре и на чужом языке крайне непросто. (К тому же выражения могут различаться в зависимости от региона). Говорить *dette var jævlig godt* (это чертовски вкусно) не стоит, если вы присутствуете на семейном обеде, но в кругу молодежи фраза вполне приемлема в разговоре близких друзей. Как и в любом другом случае, при общении важно принимать во внимание, какие отношения у вас с собеседником, о чем идет речь и в каком контексте происходит общение.

Иногда бывает нужно выразить свое недовольство, раздражение, гнев, отчаяние. То, что мы говорим, когда злимся, и, что нас сильнее всего задевает, определяется нашей культурой и индивидуальностью. Переводить грубые выражения с родного языка дословно обычно довольно бессмысленно. Английское слово *bastard* (ублюдок) по-норвежски переводится исключительно как «щенок от собак разных пород», так что вряд ли кого-то оскорбит. (Равносильное норвежское выражение *drittsekk* – в первоначальном значении мешок, который в прежние времена подвешивался под зад лошади, когда ее водили по улицам.)

История об очень ненорвежской попытке быть невежливым передается из поколения в поколение иностранных студентов в Волде: Студент из дальней страны решил сдать на права в Норвегии. Вождение ему не далось. Он был разочарован и зол и попробовал отыграться на экзаменаторе, который решил, что он недостаточно хорошо водит. Иностранец разразился самым страшным ругательством своей культуры: «Я спал с твоей сестрой!», – заявил он. Экзаменатор-норвежец посмотрел на него с изумлением и спокойно спросил: «Так вы, оказывается, знакомы?»

«Невежливые иностранцы»

Норвежцы особенно чувствительны в том, что касается языка и природы. «Я хочу научиться говорить на правильном норвежском, а не на диалекте!» – настаивают иногда иностранцы. Им еще предстоит понять, что все норвежцы говорят на своих диалектах, и ни один диалект не считается лучше других. Диалект, как правило, является предметом гордости для норвежца; он связан с идентичностью и указывает на то, из какого региона человек происходит. Во многих местах менять свой диалект, когда ты переезжаешь в другой город и регион, считается делом постыдным. И чем более образован человек, тем более он придерживается своего диалекта, в том числе выступая на телевидении, читая лекции в университете или произнося речи, как политик. Некоторые звезды поют или читают рэп на диалекте. Нам не нравится, когда о нашем диалекте отзываются пренебрежительно, но мы всегда рады повторить или перефразировать сказанное, чтобы собеседник нас понял.

Из-за такого отношения к диалектам автор (много лет назад), не желая того, сильно обидела гостя во время светского ужина в Париже и лишь позже поняла свою ошибку. Вначале каждый говорил по очереди, так что остальные 15 гостей слушали. Из лучших намерений я заметила своему высокообразованному соседу: «А, так Вы из Марсея, а по Вашему диалекту не

скажешь». Наступила гробовая тишина, которую прервала особенно вежливая французская дама, заметив что-то по поводу чудесных цветов на столе.

Классический вопрос, который задают всем иностранцам: «Что ты думаешь о Норвегии?». При этом спрашивающий всегда ожидает услышать комплимент норвежской природе. Если ответ оказывается «неверным», следует удивление и, возможно, разочарование. Нам трудно представить, что кого-то могут не поразить наши горы, фьорды и водопады, которыми мы сами так восхищены. Но вопрос конечно в том, с чем сравнивать и с каких позиций судить. Студентка из равнинной Латвии вздохнула, открыв окно Университетского колледжа Волды и взглянув на знаменитые «скандинавские Альпы»: «здесь же ничего не видно – со всех сторон горы!» Студенту из Китая было жутковато ходить по дороге, где многие километры не попадаются ни люди, ни дома. В сочинении он пишет: «Когда норвежцу грустно, он лезет в гору». Когда гостью из другой части света привезли на высокогорное плато с прекрасным панорамным видом на заснеженные горы, растянувшееся насколько хватает глаз, она спросила: «А что мы тут собственно делаем?».

Сильным преувеличением было бы сказать, что все норвежцы «рождаются с лыжами на ногах». Совсем не каждый умеет или любит ходить на лыжах, но большинство норвежцев не любят отрываться от природы. Королевская семья в трех поколениях любила бывать и на море, и в горах, и особенно королева с удовольствием ходит в однодневные походы в горы. Когда несколько лет назад королевская чета справляла серебряную свадьбу, гости со всех краев были приглашены подняться по крутой тропе на горную ферму, к которой не было другой дороги, и от которой открывался вид на узкий фьорд в Западной Норвегии.

Города в Норвегии небольшие, однако многие все равно предпочитают селиться за городом. При условии, что находится работа, норвежцы, в том числе с высшим образованием, с удовольствием живут в поселках и деревнях. Простор, более комфортабельные дома, чем в городе, возможность отпускать детей гулять без присмотра и близость к природе считаются важными преимуществами, особенно для семей с детьми. Высшее образование также широкодоступно; более 20 университетских колледжей расположены по всей территории Норвегии вдалеке от больших городов. Разница в уровне жизни и привычках между городом и деревней значительно меньше, чем в других странах. Возможно, иммигрантам жилось бы комфортнее в сельской местности, чем в городах, потому что здесь еще сохранились некоторые традиции, которых им так не хватает: люди, как правило, знакомы со своими соседями и иногда заглядывают друг к другу в гости без спросу; при этом пожилые деревенские жители часто бывают рады познакомиться с новыми соседями и интересуются, как их зовут, откуда приехали, как зовут родителей, бабушек и дедушек, чем часто раздражают деревенскую молодежь.

Не все иммигранты имели возможность попутешествовать по стране, но иногда складывается впечатление, что и в разговорах, и на письме они могут с пренебрежением отзываться о сельской жизни: фермеров и людей, живущие в деревне, они считают невежественными, старомодными и провинциальными. Если хотеть подружиться с норвежцами, не стоит начинать с заявлений о странном диалекте или с вопроса: «Как тут вообще можно жить? Здесь же нет ни души, и ничего не происходит!».

Как уже было сказано, многие иммигранты и туристы считают норвежцев замкнутыми и не готовыми идти на контакт с незнакомыми попутчиками в автобусе или в поезде. Норвежцы же, в свою очередь, могут расценить невежливое нежелание иностранцев оставить их в покое. После рабочего дня человек обычно устает и мечтает отдохнуть во время поездки на автобусе. «И что

такого уж вежливого и дружелюбного в том, чтобы вести пустую болтовню с человеком, которого ты не знаешь и в жизни больше не встретишь?» – сказал бы норвежец. Но, когда сами норвежцы путешествуют в других странах, они рады поболтать с «местными» в транспорте.

Норвежцев может раздражать, когда иммигранты громко переговариваются в автобусе или в магазине – практически кричат друг другу. Сами же иммигранты иногда с неприязнью говорят о норвежцах, как о «молчаливом народе». Один иностранец в телевизионном интервью заявил, что «норвежцам легко спорить с другими на работе и в частной жизни, но они не могут злиться. Их постоянное спокойствие даже пугает. Хотелось бы однажды увидеть взрослых норвежцев, которые бы дрались или ругались последними словами на улице».

Во время путешествий больше всего норвежским туристам досаждают уличные зазывалы и продавцы на рынке или в магазинах, которые назойливо предлагают свои продукты и сувениры. Продавцы преследуют людей на улице и обижаются, если, посмотрев их товар, вы ничего не купили. В Норвегии вы такого не встретите, так что иммигранты и туристы могут посчитать продавцов неповоротливыми и незаинтересованными в своей работе, когда они позволяют клиентам рассматривать товары, не предлагая помощи. Причина в том, что норвежцы предпочитают сначала спокойно оценить ассортимент сами. И мы привыкли, что продавец готов показать нам несколько моделей, не ожидая, что мы что-то купим.

Когда человек поселяется в новой стране, незнание местных поведенческих норм может привести к тому, что его могут посчитать невежливым. Некоторые иммигранты пытаются, как у себя дома, сбить цену на рынке или в лавке; это воспринимается как грубость, ведь цены здесь фиксированы. Традиции торговаться в Норвегии нет – разве что на блошином рынке. Хотя когда-то такая практика существовала, особенно при покупке лошадей. Если кто-то начинает торговаться в магазине, продавец может подумать, что его обвиняют в том, что он обманывает клиента, назначая слишком высокую цену.

После 17 лет работы с иностранными студентами из 77 стран у меня сложилось впечатление, что они предпочитают вовсе не сообщать о неприятностях, вместо того, чтобы предупредить другого. В результате в отношениях возникает раздражение. Вежливый норвежец свяжется с вами, если он не может вовремя явиться на встречу или опаздывает в гости, поэтому у вас есть возможность поменять планы.

В некоторых странах и культурах люди едят руками те блюда, которые в Норвегии принято есть ножом с вилкой. Прикасаться к еде считается невежливым, негигиеничным и неаппетитным. Детей учат брать в руки только тот кусочек шоколада или ир печенье, которые они будут есть сами. Руками можно брать только сухую еду, поэтому норвежцы избегают того, чтобы брать руками с общего обеденного блюда. Набирать на тарелку больше еды, чем ты можешь съесть, в Норвегии также считается невежливым. Норвежские гости, оставившие еду на тарелке, должны объяснить, что они вдруг почувствовали, что уже съели достаточно. Без такого объяснения хозяин или хозяйка могут решить, что гостям не понравилась еда. К тому же большинство норвежцев не любят выбрасывать еду.

В Норвегии существует богатая традиция работы на общественных началах, и иностранцы могут показаться невежливыми, нелюбезными и не готовыми прийти другим на выручку, когда они не участвуют в «субботнике», организованном жилищным кооперативом или детским садом, школой или спортивной секцией, куда ходят их дети. «Я плачу за то, чтобы дети ходили в сад, с чего мне еще там работать?» – может спросить иммигрант. Работа на общественных началах (*dugnad*) предполагает, что люди что-то красят, убирают или сажают деревья в месте, которым все пользуются. Основная цель здесь – не только украсить место, но и пообщаться с другими

семьями. Важная часть «субботника» – возможность в перерыве вместе выпить кофе с вафлями и поболтать.

Предполагать в людях лучшее

Всякая культура и среда в принципе располагает теми формами вежливости, в которых нуждается. Конечно, мы знаем, что недопонимания случаются, в том числе в рамках одной культуры, ведь люди общаются по-разному, но именно в отношении с чужим, другим мы встречаемся с самыми большими трудностями в понимании.

Мы, норвежцы, считаем, что можем представить себе, каково быть иммигрантом, но это, конечно же, не так – впрочем, как и приехавшие в Норвегию не могут знать, каково быть иммигрантом в их собственной стране. Вполне естественно решить, что к незнакомым людям в новой обстановке нужно подходить с известной долей скепсиса и предвзятости. Но, если у нас хватит смелости встретиться с новой культурой без предубеждений, то мы можем обнаружить для себя много ценного и интересного. Мы можем приобрести знания о том, как общаются люди в других культурах, и какие у них правила вежливости, чтобы чаще избегать недопонимания и не относиться к другим предвзято. Знание рождает понимание и открывает возможности для общения и дружбы.

Во встрече с другими мы также многое можем узнать о собственных привычках и культуре. В наших формах поведения скрываются многочисленные культурные коды, неписанные правила того, что говорить и что делать. Мы не осознаем, что наши привычки в глазах других людей требуют объяснения, потому что мы приобрели их в рамках собственной среды и не осознаем, что их можно понять превратно. Чтобы не быть недопонятыми, мы должны отдавать себе отчет в том, как мы общаемся, какими ценностями оперируем и как наше поведение может оцениваться другими. И в этом нам помогает взгляд со стороны.

Смысл этой книге не в том, чтобы убедить людей прекратить использовать свои культурные нормы поведения – замечательно, что у нас разные особенности и разный подход к вежливости. Вопрос не в том, чтобы все стали одинаковыми, но в том, чтобы мы научились приобретать знания и понимать образ мышления и системы ценностей других. Формирование многонационального общества предполагает и изменение и культуры большинства. Норвежцы считают преимуществом разнообразие в культуре, поэтому им стоит освоить многообразие форм вежливости. И мы можем вместе вспомнить старинное выражение: вежливость бесценна!

Говоря о вежливости и невежливости, мы сталкиваемся с множеством интереснейших вопросов и проблем, но не находим однозначных ответов: вежливость не измеряется категориями хорошо и плохо. И, конечно же, не стоит обобщать характеристики какого-то одного народа, например, норвежцев. Однако мы можем проводить сравнение и говорить о некоторых тенденциях.

Безусловно, в поведении, чувствах и стремлениях людей больше общего, чем различий. Так что можно быть уверенными: если мы предполагаем в людях только лучшее и имеем добрые намерения на слове и на деле, нас, по большей части, будут воспринимать как дружелюбных и вежливых людей – по меньшей мере, если мы не будем забывать улыбаться.

Большая часть этой статьи раньше вошла в качестве введения в книгу *Typisk norsk å være uhøflig?* (2005), опубликованной издательством *Kulturbro Forlag*.

В указанную книгу также вошли статьи 15 авторов из 15 стран: Аргентины, Финляндии, Франции, Индии, Ирана, Ямайки, Японии, Китая, Хорватии, Ливана, Марокко, России, Турции, США и Вьетнама.

С юмором, самоиронией и долей критики авторы пишут о норвежской вежливости с позиций человека двух культур: о приветствиях, поведении за столом, табу и шутках, одежде, заботе о близких и многом другом. Мы имеем возможность взглянуть на культуру поведения в их родных странах и сравнить с Норвегией, проводя параллели между разными культурами, анализируя норвежские привычки и выделяя плюсы и минусы собственной и норвежской культуры. Все главы написаны по-норвежски.

TYPISK NORSK Å VÆRE UHØFLIG?

Forord	31
To historier ga ideen til denne boka	33
Høflighet – fra hoffliv til hverdagsliv	33
Høflighet handler om forventninger, ikke om riktig eller galt	34
Hvorfor vil vi være høflige?	35
Kan nordmenn være både uformelle og høflige?	35
“Varme” og “kalde” kulturer.....	37
De små ordene – tomme fraser, jåleri eller høflighet?	38
<i>“Ekte” mening?</i>	38
Egen kulturell bagasje oppdages lettest i møte med andre.....	40
<i>Hva er et høflig nei-svar?</i>	41
<i>Høflighet på norsk måte kan være uhøflighet for andre</i>	42
Utenlandske studenter og innvandrere gir gode referanser til norske væremåter	44
Norske kulturtrekk og væremåter kan vurderes ulikt.....	48
Vanskelig å være uhøflig på “riktig” måte.....	51
<i>“Uhøflige utlendinger”</i>	51
Å tolke i beste mening.....	54

Forord

Denne boka inneholder samme tekst på russisk og norsk. Framstillingen har til hensikt å si noe om koder for norsk høflighet i vid forstand – i nærmiljøet, i sosiale sammenhenger, på arbeidsplassen og på reiser.

Målgruppen er utlendinger som oppholder seg i Norge som studenter, arbeidstakere eller besøkende. Teksten er også nyttig for dem som studerer det norske språket som fremmedspråk. Etniske norske lesere vil få innblikk i hvordan norsk kultur og væremåte blir oppfattet siden teksten gjengir mange inntrykk som utenlandske studenter og innvandrere har av nordmenn i Norge og utlandet.

Jeg vil takke Julia Melnikova for oversettelsen av teksten til russisk.

Volda, september 2012

Reidun Aambø

To historier ga ideen til denne boka

En etiopisk student på Høgskulen i Volda skrev for noen år siden ei oppgave om norsk bistand i hjemlandet og siterte følgende fra en gammel protokoll på en helse- og misjonsstasjon: “Det kom en rosa mann fra Norge til oss i går. Han gikk rundt og fornærmet oss alle.”

En student fra Mongolia fortalte følgende historie fra hjembyen Ulan Bator: “For å opprette kontakt med folk, inviterte norske bistandsarbeidere til fest. Det kom mange mennesker, både barn og voksne. Vi spiste og hadde det hyggelig. På slutten av festen delte nordmennene ut ei gave til hver familie: et Røde Kors-skrin med plaster, bandasjer, gasbind og andre forbindingssaker. Mongolene takket og gikk hjem. De var sjokkerte – og sinte. Vi ungdommene fikk ikke lov til å delta på arrangementer i denne organisasjonen, og folk snakket om episoden flere år etterpå.”

Hva gikk galt for nordmennene i Etiopia og Mongolia? Hva den rosa nordmannen sa og gjorde ved den etiopiske helse- og misjonsstasjonen, er ikke godt å si. Han var vel høflig på norsk måte og håndhilste på både kvinner og menn, kanskje uten tanke på rang, alder og orden. Han prøvde sikkert å si noe hyggelig, han klappet kanskje et barn på hodet. Og bistandsarbeiderne i Mongolia ønsket uten tvil å gi ei nyttig og fornuftig gave til hver familie, i aller beste, norske mening. Men gaver kan ha stor symbolfunksjon. De velmenende nordmennene var sikkert fremmede for tankegangen: plaster og bandasjer som gave betydde at de ønsket mongolene sykdom og ulykker i framtida.

Vi kan kanskje si at så lenge nordmenn holdt seg i Norge, ble de ikke så grundig misforstått som de nevnte nordmennene i Etiopia og Mongolia. For fram til 1970-årene kan vi snakke om en tilnærmet homogen norsk kultur der folk hadde omtrent samme skolegang, religion, idealer og normer. Vi hørte på de samme radioprogrammene, feiret de samme høytidene og ferierte og arbeidet stort sett i eget land. I dag reiser nordmenn mye og langt, på ferie, jobb og studietur. Å definere hva det vil si å være *norsk* i dag, er heller ikke som på 1970-tallet. Da bestod befolkningen stort sett av nordmenn og gjestearbeidere fra Pakistan. I 2007 finner vi mer enn 200 nasjonaliteter og enda flere kulturer og språk innenfor Norges grenser.

Tidligere kunne vi kanskje si at nordmenn var så høflige som de hadde behov for å være seg imellom i en nokså ensartet kultur. Hva som i dag regnes for å være høflig i Norge, er selvsagt ikke entydig. I et flerkulturelt samfunn risikerer man å misforstå og bli misforstått fordi menneskene blant annet har ulike koder for høflighet og sosial omgang.

Høflighet – fra hoffliv til hverdagsliv

Falk og Torp viser i *Etymologisk ordbok* (1992) at ordet *høflig* har slektskap med gamle tyske ord som *hovelik* og *höflich*. Norsk har også bevart ordet *høvvisk* (og *det som høver seg*) som er et lån fra det mellomnedertyske *hovesch*. På gammelnorsk hadde vi dessuten ordet *kurteiss* fra fransk *courtois*, *la courtoisie* (altså bestemte måter å oppføre seg på ved hoffet, *à la cour*). Høflighet er med andre ord noe hoffmessig, fint, belevent, dannet, galant og veloppdragent.

Det er neppe noen som regner nordmenn for å være spesielt høflige i betydningen å ha galant oppførsel og mange ulike uttrykk for enhver anledning. Vi sier gjerne at svenskene er høflig-

ere enn oss. Høfligere, mer fornemme og litt stivere, vil noen tilføye. Hvis vi sammenlikner kulturelt så like land som Norge og Sverige, er det nærliggende å tro at svenskene har etablert høflighetsformer som er farget av en sterk adel og franske prinser, prinser som førte med seg sin smak og sine mønstre fra det franske hoffet. For det er opplagt at faktorer som kontakt med andre kulturer, indre og ytre historie sammen med kjønnsroller, levevilkår, næringsveier, klima og religion spiller en rolle for danningen av kulturelle mønstre, inkludert høflighetsformer. Men disse formene er selvsagt ikke statiske.

Å oppføre seg høflig er som oftest et ideal. Høflighet kommer til uttrykk i det vi uttrykker og det vi gjør, og i hvordan vi uttrykker eller gjør noe. Men høflighet kan også være at vi lar være å si eller gjøre noe. Og hva som regnes som høflig, dannet, veloppdraget og akseptert, kan være nokså forskjellig fra kultur til kultur.

Vi trenger ulike høflighetskoder for ulike situasjoner. Vi har noen koder for å hilse på hverandre, andre for besøk, mat og måltid, for å få og gi gaver og så videre. Vi velger ulike høflighetskoder og strategier for å kommunisere på diskotek, i klasserommet og i begravelse. Også i familien og på arbeidsplassen tar vi i bruk ulike væremåter og uttrykk for å vise høflighet og vennlighet. Om vi samtaler med venner eller ukjente har betydning for kodene vi bruker, og kjønn, alder og status kan spille større eller mindre rolle.

Vi velger altså ord, uttrykk og form i samsvar med situasjonen, personene vi kommuniserer og samhandler med, emnet vi snakker om og hvem vi selv er. Dette gjør vi automatisk på morsmålet og i eget miljø, men i en fremmed kultur får vi oftest problem med både de rette uttrykkene og rett gest eller handling på rett plass. Kroppsspråk og mimikk har også med høflighet og uhøflighet å gjøre og kan ha ulik mening. Hvor lenge man ser på en annen person, hvor på personen man ser, hva man gjør med hender, munn og nese og så videre, kan sende bestemte signaler til andre. Høflighetskodene er ikke naturgitte, men lært i kulturen. Som regel er de ikke nedskrevet og heller ikke tydelig uttrykte. En person som kommer utenfra, kan derfor ha vanskeligheter med å oppfatte høfligheten i en fremmed kultur. Ofte er det nettopp annerledes verdisystemer og høflighetskoder som gir oss fremmedfølelse og gjør oss klønete og usikre. Den som bommer på kodene, kan mer eller mindre forstå og kjenne at kommunikasjonen bryter sammen.

Høflighet handler om forventninger, ikke om riktig eller galt

Kulturen lærer oss hva som regnes for å være høflig. Det er naturlig at alle mennesker ser etter de samme signalene for høflighet og vennlighet som i egen kultur, for det er de kodene vi kan. Hvis vi ikke finner de samme signalene når vi besøker andre land, kan vi komme til å konkludere med at folk der ikke er høflige. Å oppfatte noe som høflighet, handler altså om å få innfridd forventninger som kulturen har oppdratt oss til å se på som god og vennlig oppførsel. Når vi oppfatter noe som uhøflig og upassende, så kan det selvsagt være slik ment, men det kan også være at vi oppfatter det som brudd med egne kulturelle forventninger. Følelsen av fremmedhet og utydelighet er dessuten gjerne gjensidig: Dersom jeg føler at en person eller et miljø er merkelig og fremmed, så må *jeg* regne med at jeg blir oppfattet på samme måte.

Hvem setter normer for hva som er høflig? Når en person eller kultur er ansett som høflig eller uhøflig, kan vi stille spørsmålet; i forhold til hva og hvem? Et eksempel kan være amerikaneren som mente at cubanerne er uhøflige. Ja, det kan man si hvis vi legger til dette: ut ifra amerikanerens forventninger til høflighet med å si *excuse me* eller *sorry* hver gang noen vil passere eller dunker borti deg i en kø, er noen cubanere uhøflige. Men som gjester på Cuba opplever vi høflighet og vennlighet på andre måter, på cubansk måte. Vi får inntrykk av at folk er imøtekommende, hjelpsomme, åpne for kontakt og at de smiler ofte og mye. Dessuten kan selvsagt cubanerne ikke generaliseres, like lite som andre folk.

Hvorfor vil vi være høflige?

Vi kan ha flere motiver, både bevisste og ubevisste, for å opptre høflig. Det kan for eksempel være ønskelig og tjenlig å gi et godt bilde av oss selv, vi vil framstå som omtenkssomme, vise at vi har god oppdragelse, og at vi ikke ønsker å gjøre skam på oss selv og eventuelt foreldrene våre. Høflighet kan også ha som mål at relasjonen med andre skal fungere bra, at den man samhandler med skal føle seg vel, respektert og sett, og kanskje at den andre skal bli velvillig eller imøtekommende til noe vi vil oppnå. For hvis vi mestrer det som er passende og vennlig, virker det som døråpner for tillit, og med tillit får vi en bedre kommunikasjon og forståelse. Så lenge vi lever, og uansett hvor vi lever, ønsker vi som enkeltindivider å kommunisere, fungere, forstå og bli forstått på riktig måte, og i internasjonal politikk vet vi at det er farlig å ikke forstå andre kulturers verdier og kommunikasjon.

Høflighet behøver ikke å handle om intimitet eller vennlighet, høflighet kan også være et middel til å skape avstand mellom mennesker. Overdreven høflighet kan resultere i underdanighet, ironi og latterlighet.

Kan nordmenn være både uformelle og høflige?

Forfatteren av denne artikkelen er på ingen måte spesialist på kulturer, men en nysgjerrig person med noe erfaring fra studier, arbeid, oppdrag og reiser i andre land. Mine viktigste flerkulturelle referanser er utenlandske studentgrupper ved Høgskulen i Volda gjennom 17 år, ca. 430 studenter fra 77 ulike land. Litterære tekster skrevet av innvandrere og deres barn har også vært inspirerende og gitt impulser til dette arbeidet. Kontakt med personer fra andre miljøer og kulturer gjør at jeg sammenlikner og legger merke til mer enn tidligere. Men som etnisk norsk nordkvinne fra Norge er det ikke lett å se og bedømme norske kulturtrekk, i alle fall ikke objektivt. Når jeg i det følgende omtaler noen norske særegenheter, kan det derfor oppfattes både som forklaring og forsvar.

Forskere mener at folk i de nordiske landene har en sterk likhetsideologi. Den lange tradisjonen med sosialdemokratisk styresett har satt sine spor i Norge (selv om individualitet, definert som noe enestående, finnes parallelt med likhetsidealet). Derfor tolkes det gjerne som usympatisk eller latterlig når noen prøver å stikke seg fram og demonstrere rikdom eller status. Det er sannsynligvis derfor det er uhøflig å spørre nordmenn om hvor mye de tjener.

Tradisjonelt sett blir rike og berømte nordmenn populære når de viser at de er folkelige, og de kan gjerne snobbe nedover (gå i slitte klær, ha en gammel bil) – altså leve nøkternt på noen

måter for å vise at de er vanlige mennesker. Selv velstående nordmenn har sjelden tjenere i huset, og en av de rikeste personene i Norge kan finne på å dra ut på fiske og selv selge fisken på kaia. Ungdommer i rike familier får vanligvis ikke alt de ønsker seg, de kan jobbe i helgene eller om sommeren for å kjøpe noe ekstra til seg selv.

Én type norsk mangemillionær kan ha ei kjempestor hytte med 15 bad på fjellet, men en annen type norsk mangemillionær kan ha hytte på fjellet med utedo, gå i gammel anorakk og bruke treski. Nordmenn gjør ofte malearbeid, syarbeid, plukker bær og lager sitt eget syltetøy, lager mat og ordner egen hage selv om de har høy lønn. Vi vurderer det derfor ikke som positivt når utlendinger med stolthet forteller at de aldri har gjort arbeid som gjør dem skitten på hendene eller at tjenere lager all maten.

Å være folkelig hører med i vårt selvbilde og ideal. Vi er stolte over Kong Olav som under oljekrisa på 70-tallet tok trikken (i alle fall en gang). Statsministeren bor i rekkehus og kan gå uten livvakter, barna til dronninga og kongen gikk på offentlige skoler sammen med andre barn, kirker og offentlige bygninger er lite prangende. Utenlandske turister har for eksempel flere ganger tatt slottet i Oslo for å være en jernbanestasjon. En utenlandsk analytiker hevdet i et TV-program for en tid siden at norsk nøkternhet er den viktigste grunnen til at dette lille landet får internasjonal respekt og har tillit som fredsmekler i andre deler av verden. Men i de siste årene kan vi se tendenser til at ”norsk nøkternhet” og solidaritet med svake grupper avtar. Og det norske selvbildet som fredselkende nasjon blir i dag også tolket som selvgodhet; at nordmenn tror de vet best, at det norske bør være forbilde for nasjoner i andre deler av verden.

Tanken om likhet og likeverd gjør at det ikke er god tone å framheve seg selv eller skryte av egne barn overfor andre (men vi kan selvfølgelig rose barna våre). Også skolen bærer preg av dette. Til nå har opplæringen vært lite konkurransepreget. Elevene får ikke karakterer i barneskolen (de første sju årene), læreren sier ikke høyt hvem som har vært flinkest på tester eller prøver, og oppslag om eksamensresultater i høyere utdanning er anonymisert.

Tradisjonelt sett er norsk identitet ikke så mye knyttet til sosial klasse som til geografi, til stedet hvor vi er oppvokst. En person som har bodd 40 år i Bergen, vil si at hun/han er fra Voss dersom vedkommende vokste opp der. Når vi nordmenn møter nye mennesker, er derfor vårt første spørsmål ofte: “Hvor er du fra?” Først seinere kan vi stille eventuelle spørsmål om yrke og arbeidssted, siden vi er mindre opptatt av å plassere hverandre sosialt eller i en rangorden. Det materielle har dessuten i mange miljøer lavere status enn det intellektuelle.

Utlendinger legger fort merke til at nordmenn vanligvis har en uformell stil som både gjelder språk og væremåte, så uformell at andre kan tolke den som uhøflighet. Siden vi selv oftest ikke bruker titler eller grader, kan vi glemme hvor viktig det er når vi snakker med folk fra andre kulturer. Jeg presenterte en gang (på engelsk) en ambassadør fra et annet land for ei gruppe nordmenn. Selv om det var i en sosial sammenheng, ble han støtt over at jeg bare sa *Mister* og ikke tittelen hans foran navnet. For *han* var tittelen og tilhørigheten til arbeidsplassen en stor del av identiteten.

Å kle seg pent er å vise respekt og høflighet overfor dem man skal være sammen med. Utenlandske studenter kler seg gjerne i sin fineste stas til sin første fest i Norge, med dress og

slips, eller pen kjole og høyhælte sko. Men seinere kommer de, som de norske studentene, i hverdagslige, upyntede klær, selv om de uttrykker forbauselse over at “rike” nordmenn går så enkelt kledd. Det er mulig at klesstilen holder på å forandre seg i Norge nå, men hittil har det vært pinlig for ei voksen, norsk kvinne å være den mest pyntede i en sammenkomst. ”Til og med prinsessene i de norske eventyrene er nøkterne. De har ikke flotte kjoler og diamanter, og kongen er en koselig bonde som står på trappa og savner døtrene sine”, kommenterer en student fra Romania.

Den uformelle, norske stilen gjelder også på arbeidsplassen. Nordmenn i Norge er ikke spesielt formelt eller pent kledd på jobb, selv på arbeidsplasser der de møter kunder. Klærne signaliserer sjelden hvem som er leder og hvem som er vanlig ansatt. En rektor, banksjef eller overlege behøver ikke å komme til møter eller TV-intervju i drakt og dress og slips. Utlendinger i Norge kan også bli veldig forbauset, og av og til sjokkert, over kommunikasjonsen som nordmenn har med sine sjefer, overordnede, foresatte og lærere: En sentralbordarbeider kan skjenne på direktøren, en sykepleier kan sette på plass en sykehuslege, ei datter kan protestere og irettesette faren sin, og en student eller elev kan være sterkt uenig med foreleseren og læreren. For den som ikke takler kritikk eller andres synspunkter, er ingen god sjef eller lærer, mener nordmenn.

Vi finner sjelden tegn på status i hilsemåter og tiltalemåter, verken når vi snakker med en sjef, prest, funksjonær eller lærer (unntak er de kongelige og stortingspresidenten når hun/han sitter i Stortingssalen). Det mest vanlige nå er å si *du* til alle, og en tiltaler de fleste med fornavn eller med begge navn. Det er ikke vanlig å bruke titler. Spesielle høflighetsformuleringer og hilsener overfor ulike autoriteter ville bli sett på som underdanighet, noe som ikke passer godt sammen med idealet om likeverd. At sjefer kontrollerer og overvåker sine ansatte eller gir ordre på arbeidsplassen (utenfor det militære systemet), blir ikke tolerert, for en autoritet skal ikke være autoritær. Det er ikke nok at en sjef er faglig dyktig, en god sjef må også være i stand til å lytte, være forståelsesfull, motta råd, bygge team, løse konflikter og kommunisere og samarbeide godt med de ansatte. En tysk fabrikkarbeider sier om arbeidsstilen i Norge og Norden: ”En nordisk sjef delegerer arbeidet – og ansvaret – ned til arbeiderne, uten stadig å kontrollere dem. Norske arbeidere får ansvar for sin egen jobb, noe som fører til trivsel på arbeidsplassen”.

Uten å ha gjort feltundersøkelser av noe slag, mener jeg det er sannsynlig at kulturer med “flate” sosiale strukturer, som i Norge, trenger færre og mindre differensierte høflighetskoder enn i “vertikale” kulturer hvor man har et tydelig hierarki. Nordmenn liker å tro at vi, i alle fall på overflaten, ikke har tydelige klasseskiller og rangorden, men at alle er like og bør behandles og tiltales likt. For folk som kommer utenfra, kan det derfor være vanskelig å orientere seg.

“Varme” og “kalde” kulturer

I en fremmed kultur kan manglende kjennskap til høflighetskoder lett bli kilde til misforståelser, vantrivsel og til og med tanker om diskriminering. Nordmenn hilser stort sett på alle med et *hei*, *god dag* eller (*go*)*morn*. Noen studenter, særlig fra latinamerikanske og afrikanske land, har misforstått slike kjenninger, norske hilsemåter. Hvis de har hatt en hyggelig

kveld sammen med norske studenter, opplever de til sin skuffelse dagen etter at de norske bare hilser med et kort *hei*, og passerer. For noen er dette uforståelig, og de får tanker om at de norske studentene behandler dem slik fordi de er utlendinger eller fordi nordmennene ikke liker dem. De utenlandske studentene må derfor få forklaringer på at *hei* verken er uhøflig eller kaldt for *nordmenn*, men simpelthen den vanligste norske hilsemåten – sånn alminnelig høflig. Disse studentene kommer fra kulturer der man slår av en liten prat når man møter kjente. Det er blant annet dette som blir betegnet som “varm” kultur i motsetning til den norske “kalde”.

På arbeidsoppdrag i et afrikansk land opplevde jeg for noen år siden hilseritualer i en slik “varm kultur”. Jeg besøkte 15–20 husstander og hadde med en mann fra stedet. Når vi kom til en bolig, ble vi møtt i døra av et familiemedlem, og hver gang foregikk det en samtale på et par minutter. Den var omtrent slik: *Hvordan har du det? - Takk, jeg har det bra, hvordan har du det? - Takk, bra, hvordan har din kone det? - Takk bra, og din kone? - din mor, din sønn osv.* Hele tida var svaret *takk, bra* enda en gammel mor lå døende i en av leilighetene. For meg, med min norske hilsemåte, var dette nokså innholdsløst og unødvendig. Svarene var automatiske og ikke ærlige, det hele var så å si bortkastet tid. Men jeg må legge til noe viktig; det var bortkastet tid *for meg*. Ut fra *mine* forventninger til hilsemåte, bruk av tid og ord, var dette uten særlig verdi. For meg representerer denne hilsemåten ikke en “varm” kultur. Men for de to personene i døråpninga var dette en vennlig, meningsfull, kontaktskapende og høflig hilsen. Det var en måte å komme i gang med samtalen på – omtrent slik vi nordmenn snakker om været? Spørsmålet er: Kan vi i det hele tatt snakke objektivt om “varm” og “kald” kultur?

De små ordene – tomme fraser, jåleri eller høflighet?

Når vi besøker eller bor i andre land, kan vi mangle små ord og uttrykk for å framstå som høflige. En franskmann vil mene at personer som ikke sier *god appetitt* før man begynner å spise, ikke er særlig veloppdratt, heller ikke en person som passerer andre uten å si *pardon*, selv om det er på stuegulvet i et hjem, for å sette det på spissen. Og det finnes sikkert flere årsaker til at franske forretningsfolk kan hevde at bedriftsledere fra nord er effektive, men uten eleganse. Amerikanere har pekt på at nordmenn kan forlate en gruppe mennesker som står og snakker sammen, uten å si *excuse me*, og engelskmenn kan mene at nordmenn er selvopptatte. For vi får spørsmålet: *Hvordan går det?* og vi legger ofte ut om oss selv uten å spørre tilbake; og *hvordan har du det?* Lista kan gjøres lang.

“Ekte” mening?

Flere innvandrere peker på at nordmenn ikke har for vane å strø om seg med høflighetsuttrykk. Hvis de sier og gjør noe vennlig, så skal det være ekte og ærlig ment. Hvis ikke blir det utelatt. Norske forretningsbrev er eksempel på det. Når nordmenn har slik korrespondanse, er det stort sett til folk man ikke kjenner personlig, i alle fall er situasjonen ikke personlig. Mens man på engelsk alltid begynner med *Dear Sir/Madam*, utelater norske forretningsbrev derfor ord som *kjære*, for vi har ingen kjærlig relasjon til mottakeren i denne sammenhengen. Også når vi tiltaler folk, bruker vi i dag sjelden *fru* og *herr*. Hvis vi gjør det, fungerer det gjerne som morsomhet: “Skal fruene ha mer kaffe?” *Madam* på norsk gir assosiasjoner om ei tykkfallen, eldre og litt dominerende kvinne. *Herren* i bestemt form er rett og

slett synonymt med Kristus eller Gud. En klassisk morsomhet i fransktimene på skolen er å oversette: *Je vais aller à Paris pour chercher le Monsieur qui habite là* på denne måten: *Jeg skal gå til Paris og søke Herren som bor der.*

Sammenliknet med andre kulturer, stemmer det sikkert, slik mange innvandrere påpeker, at nordmenn har relativt få spesielle ord for vennlighet og høflighet. Men nordmenn har en del uttrykk som ikke finnes i alle kulturer, for eksempel: *takk for mat* (når man reiser seg fra bordet), vertinne/vert sier da: *vel bekomme* (jeg håper at maten gjør deg godt), *takk for meg*, *takk for i kveld* (til vertskapet når en gjest går hjem), *takk for laget* (til andre gjester vi har vært sammen med), *takk for sist* (neste gang en gjest og en vert/vertinne møtes). Noen steder sier eldre mennesker (*Gud vel-*)*signe maten* eller *signe arbeidet* når de kommer til noen som spiser eller arbeider. Og hver dag sier elever og lærere *takk for i dag* til hverandre. (Norsk, som andre språk, kan dessuten uttrykke høflighet på mer indirekte måter: “*Kunne jeg få snakke litt med deg?*”)

Nordmenn har lang tradisjon for å si disse særnorske “takksigelsene”, men som mange peker på, er vi skeptiske til nye, spesielt når de bryter med det som føles ekte. Særlig hvis uttrykkene kommer fra amerikansk kultur, kaller vi dem for tomme, overflatiske fraser på grensen til falskhet eller naivitet. *Nice to meet you*, sier amerikanerne når de hilser på noen for første gang. “Vel”, tenker nordmenn, “hvordan kan de si det, de kjenner oss jo ikke i det hele tatt.” Skal nordmenn si noe, må vi mene noe med det, så det kan ta sin tid før vi blir fortrolige med nye høflighetsuttrykk. Men vi er på gli, og det er først bykulturene som tar etter. I dag er det helt vanlig at butikkpersonalet der svarer på kundens *takk for hjelpen* med *bare hyggelig* og hilser til slutt med *ha en fin dag*. Denne høfligheten sprer seg nå raskt, også til bygde-Norge. *God helg* er for lengst akseptert. Men nå har butikkfolk også på bygda begynt å si *ha en fin dag*. Noen misliker dette og kaller det unødvendig jåleri og kvasi-intimitet, de kan til og med tenke: “Det har du ingenting med å gjøre!” eller: “Dette er bare en tom frase av noen som vil ha pengene våre.” Vi får også følelsen av kvasi-interesse eller rett og slett falskhet når telefon-selgere bruker fornavnet vårt og *hvordan har du det?* uten noen gang å ha møtt oss. Vi tolker straks telefonselgerens motiv for å etablere en “hyggelig” tone slik at vi skal bli villig til å kjøpe. Som oftest fungerer det omvendt. De fleste nordmenn ergrer seg over slik kvasi-vennskapelighet, noen slenger på røret.

Selv om vi nordmenn de siste tiårene har begynt å “ta på hverandre”, er det fremdeles vanlig at vi ikke klemmer og kysser personer som bare er bekjente, de må helst være personer vi er glad i eller liker godt. Og når vi så spanderer en klem, da får det jammen klare seg å klemme den ene siden av ansiktet! Å håndhilse er vanlig når vi blir presentert for noen, når vi blir mot-tatt som gjester, og når vi takker for oss i et selskap. I det siste er det visstnok blitt trendy for norske ungdommer å håndhilse når venner møtes. Forklaringen kan ligge i kontakt med innvandrere og at norske ungdommer ser mange utenlandske filmer og videoer.

Det er allerede nevnt at nordmenn ikke sier *unnskyld* så ofte. Vi kan også si *om forlatelse* og *tilgi meg* som egentlig er religiøse uttrykksmåter (forlat oss vår skyld, tilgi våre synder). Protestantiske kristne kommer som kjent ikke til himmelen på grunn av gode gjerninger, men av nåde og tilgivelse. Vi kan tenke oss at å vise nåde i stedet for å ta blodhevn, ikke var lett å praktisere for vikingene da kristendommen ble innført for 1000 år siden. Menneskesynet i

denne religionen inkluderer at mennesket stadig gjør feil og har mangler og derfor trenger tilgivelse. En muslimsk forfatter uttrykte en gang at de kristne er heldige som har dette trekket i sin religion. Å vise nåde og tilgi mennesker som innrømmer feil, er derfor mer akseptert i kristne kulturer, hevdet han.

I dag har det gått inflasjon i å be om offentlig nåde eller unnskyldning i Norge: Kirka, statsministeren og andre ministre og politikere, ledere og offentlig ansatte ber om unnskyldning og forståelse – for egen del eller for misgjerninger gjort i det norske samfunnet i fortida. Å innrømme feil betyr for nordmenn vanligvis ikke å tape ansikt i asiatisk forstand. Sjefer og ministre ber om, og får, nåde og tilgivelse gang på gang, og ansvarlige redaktører og journalister har også stor tabbekvote. Det kan nesten virke som det norske folket føler mer tillit og sympati når autoriteter blir mer feilbarlige, for egentlig forventer vi ikke så mye høyere moral og rettskaffenhet av ledere og politikere enn det vi forventer av alle andre i samfunnet. “De er jo bare mennesker,” sier vi.

Egen kulturell bagasje oppdages lettest i møte med andre

Nordmenn flest forventer at det offentlige står klar til å yte hjelp på ulike måter hvis vi har spesielle behov. Noen vil si at nordmenn er nokså privilegerte – og kravstore, for vi er ofte godt orientert om hvilke rettigheter vi har, og vi mener stadig at kommune og stat “må ta ansvar”.

I forbindelse med et undervisningsoppdrag ved et universitet i en østeuropeisk by gikk jeg en kveld ut sammen med en studentgruppe for å spise middag. Det var mørkt i gatene, for strømmen var dyr, så gatelys og lys i butikkvinduene fantes ikke. Plutselig falt en student i et hull i gata. Hullet på en halv meters dybde var ikke skjermet på noen måte i mørket. Jeg ble opprørt, selv om jenta etter en stund kunne gå derfra med egen hjelp. Oppe i mitt norske hode formet straks spørsmålet seg; hvem har ansvaret? Mens jeg hadde veivesen, kommune, stat, forsikring og erstatning i tankene, svarte de bulgarske studentene: “Det er selvfølgelig vi som går på gata som har ansvaret.”

Det er trolig mangel på språkkunnskap som er årsaken til de fleste misforståelser, men også når innvandrere forstår de norske ordene svært godt – så å si bedre enn nordmenn – kan det gå galt. Det norske språket har mange tyske lånord eller ord som direkte er oversatt fra tysk til norsk. Tyskere lærer fort norsk av denne grunn, også fordi norsk og tysk tilhører samme språkfamilie. Men så kan det hende at de tyske lånordene endrer betydning på norsk. Et slikt ord er *middag* som bokstavelig talt betyr *midt på dagen*. Ordet brukes også om måltidet som i det tradisjonelle bondesamfunnet ble inntatt midt på dagen. I dag tar norske jenter og kvinner utdanning og er i jobb utenfor hjemmet, så nå er det ingen som venter mennene hjem til et varmt måltid midt på dagen. De fleste arbeidsplasser i dag har dessuten bare en halv time lunsjpause, og lunsjen spises på arbeidsplassen. Det vanligste er derfor at norske familier har det varme måltidet middag etter arbeidstid, mellom klokka 16 og 18, og ikke midt på dagen. Men vi har likevel beholdt ordet *middag*.

En tysk familie som snakket flytende norsk, inviterte et norsk par til *middagsmat* (*Mittagessen* – et måltid mellom kl 12 og 14 i Tyskland). De hadde den varme maten klar mellom klokka 12 og 13, men nordmennene kom ikke. Først klokka 16 dukket de opp med denne fornøyde

kommentaren: ”Vi ble ferdig på arbeid så tidlig at vi også hadde tid til å vaske bilen på vei hit”. Det tyske paret syntes, uten å si noe, at dette var toppen av uhøflighet, men det norske paret beklaget ikke at de først kom til middag klokka 16, naturlig nok.

Mange nordmenn har som ideal ”å kalle en spade for en spade”, å gå rett på sak, å si rett ut det man mener med tydelige ord. For nordmenn flest er det ikke uhøflig å spørre etter toalett eller do. Vi synes at for eksempel amerikanere pakker inn betydningen når de mener toalett, men sier *bathroom* (baderom) eller *restroom* (hvilerom). En nordmann som ikke var fortrolig med denne omskrivingen, kom til New York og ble hentet med bil på flyplassen av amerikanske venner. Han fikk spørsmålet: ”Do you want to go to the restroom?” Han svarte: ”No thank you, I can do it in the car”.

Hva er et høflig nei-svar?

Det er selvsagt en grov generalisering å hevde at nordmenn bare kan si *nei* på én måte, og det er å bruke ordet *nei*. Når vi er høflige, sier vi gjerne *nei, dessverre*, men vi har vanskelig for å forstå et høflig *nei* uten at ordet *nei* er brukt. Nordmenn som arbeider i andre land, kommer hjem og sier at folk der ikke er til å stole på, de lover noe, men holder ikke avtaler. Kroppsspråk, idiomatiske uttrykksmåter som signaliserer høflighet og kanskje respekt og velvilje overfor gjester fra andre land, kan gjøre svarene diffuse og mystiske – for nordmenn – men svarene er selvsagt korrekte, høflige og tydelige for ”de innfødte”.

Jeg selv har en slik feiltolkning i friskt minne. I Senegal i Vest-Afrika hadde jeg på 1990-tallet et oppdrag for et Røde Kors-prosjekt og skulle mellom annet kjøpe ei tomt. En senegaleser var med meg rundt i landet. Historia er nokså lang, men endelig fikk vi et tips om en familie som eide jord i utkanten av hovedstaden Dakar. Vi møtte mannen ute på markene og viste fram tegninger av bygningen og forklarte. Han nikket stadig til det vi sa. Til slutt smilte han og sa på fransk at det var en ære å selge jord til denne organisasjonen som gjorde så mye bra i Senegal og i verden ellers, og han håpet at bygningen kom til å bli som vi hadde planlagt. Vi håndhilste og gikk, og jeg var lettet over å ha sikret oss tomten, for jeg skulle reise noen få dager seinere. Men senegaleseren som jeg hadde med, sa at vi *ikke* hadde fått tak i noen tomt. Jeg kunne ikke forstå det. Stresset som jeg var, ville jeg gå tilbake og spørre som ei nordkvinne: ”Er svaret ja eller nei?” men senegaleseren sa bestemt at svaret var negativt. Vi måtte lete videre.

Det hele var forvirrende. Jeg hadde forstått hvert ord av den korte samtalen, men språk er mer enn ord. Jeg hadde ikke vært i stand til å avkode det ikke-verbale – tonefallet, pausene, kroppsspråket som gjelder øyne, hender, bevegelser, mimikk og alt det implisitte som gjelder høflighet og samspill mellom mannen og oss to kjøperne i den spesifikke situasjonen. Jeg kunne med andre ord ikke ”lese” denne høflige mannen fra en fremmed kultur selv om jeg forstod ordene hans. Å tolke et høflig *nei* med alle de ikke-formulerte signalene er trolig den mest kompliserte språkhandlinga en fremmed er utsatt for. Og hvordan han tolket meg, motparten, er uvisst. Det er kanskje rett og slett slik at det i samvær med andre er umulig å ikke-kommunisere. For uansett hva jeg gjør, eller ikke gjør, om jeg sier noe eller tier, så kan det uttrykke noe om meg.

Når utlendinger på høflig måte ikke inkluderer et tvert *nei* i sine svar på spørsmålene våre, kan det bli en form for høflighet som nordmenn slett ikke setter pris på. Dersom vi spør en vietnameser eller en egypter om veien, og vedkommende ikke vet veien, prøver de likevel å hjelpe så sant det er mulig. I deres kultur er det uhøflig å ikke prøve, særlig når det gjelder utlendinger. For de er gjester i landet og skal behandles vennlig. Denne type høflighet kan ende i feil bydel. Noe av det første innvandrere i Norge bør lære, er derfor å uttrykke et eksplisitt *ja* (*gjærne*) eller *nei* (*dessverre*) når de svarer på spørsmål og invitasjoner. Hvis ikke, risikerer de å få uvenner eller å få ord på seg for å være upålitelige.

Høflighet på norsk måte kan være uhøflighet for andre

Å forvente et – for nordmenn – tydelig svar, kan føre til så mangt. Det kan for eksempel føre til at sunnmøringer nesten tar livet av asiater – med mat. Mora mi, som aldri sendte en loddselger fra seg uten mat og kaffe, fikk en gang en mann fra Korea på besøk. Han skulle selvsagt ha middagsmat, mye mat, for hun ville vise at han var velkommen. Hun sendte fatene rundt gang på gang, og mannen forsynte seg hver gang. De som har opplevd eldre sunnmørs-husmødre som nesten dunker fatet i brystet på gjestene og ber dem ta mer, forstår situasjonen. Etter de normale rundene, pluss to–tre nøderunder, kan en nordmann si et høflig og tydelig *nei, takk*, og det blir omsider respektert. I Asia derimot, er det mange steder høflig å forsyne seg så lenge en blir bydd mat, men en vertinne ser gjesten sin an og stopper i tide. Mor var glad for at maten smakte, men hun tenkte til slutt at “stakkars mann, han var dyktig sulten”. Gjesten tenkte nok: “Nå må hun stoppe, nå må hun forstå at det er nok.” Mora mi så også gjesten sin an, hun spurte nemlig om han ville sove middag etter maten. Det ville han.

Å banke på døra før vi går inn på et kontor, er vanlig høflighet i Norge. I løpet av de 16 årene jeg har undervist utenlandske studenter, har jeg opplevd flere ganger at noen av dem plutselig åpner døra og kommer inn på kontoret uten å banke på. Uhøflighet, mangel på skikk og bruk er vår første tanke – dersom vi ikke kan tenke oss andre årsaker. I flere afrikanske land er det nemlig bare tyver som banker på døra. De banker for å høre om noen er hjemme. Da Bibelen skulle oversettes til noen av de afrikanske språkene, kunne Jesus derfor ikke si: “Se jeg står for døra og *banker*,” men slik: “Se jeg står for døra og *roper*.”

Å rydde opp etter seg er holdt for å være god oppførsel og noe vi oppdrar våre barn til å gjøre. Vanligvis er det ingen i Norge som har jobb med å koste og rydde i gater og parker om natta slik det blir gjort i mange andre land. Nordmenn er dessuten ikke vant med tjenere hjemme, og i kantiner på jobb og skole må vi sette glass og kopper på plass selv. Men av og til kan vår gode skikk føre galt av sted; i kantina på et bulgarsk universitet gikk ei eldre kvinne og bar store brett med glass og tallerkener. Hun bar tydelig preg av å være svært sliten. På min norske måte insisterte jeg derfor på å rydde bort kopper og kar jeg hadde brukt, men studentene protesterte: “Hvis du gjør det, da har hun ingen jobb.”

Norske lønnsnivå og sosial likhetstenking kan være årsak til at nordmenn på besøk i andre land er uhøflige uten å vite det. Vi tenker ikke over at lønna til koffertbærere og rengjøringspersonale på hoteller kan være svært lav og basert på drikkepenge fra gjestene. Nordmenn kan regnes som gjerrige og uhøflige når vi ikke kommer på å gi penger for alle slags tjenester, for det er vi uvant med i hjemlandet.

Å gi og motta gaver og hjelp er det også kulturelle høflighetskoder for. Nordmenn flest liker ikke å være i takknemlighetsgjeld. Når vi får ei gave eller mottar hjelp, passer vi på å gjengjelde dette, helst så fort som mulig. Mange av oss liker ikke å låne penger, men hvis vi gjør det, passer vi på å betale tilbake selv om det er et så lite beløp som 20 kroner. Dette gjelder også når vi har lånt av velstående mennesker.

Når nordmenn gir ei gave til noen, er det ikke så viktig om den er stor eller dyr, det viktigste er at den passer til mottakerens smak og verdier. En kinesisk student sa en gang: ”Når nordmenn skal gi ei gave, bruker de lang tid på å finne ut hva som passer til personen som skal få den, det gjelder både farge, material og stil. Når jeg reiser tilbake til Kina, skal jeg ta med 20 norske bunadsdukker. Jeg gir alle i gata den samme presangen, for det er tanken som teller.” I Norge er det litt uhøflig å ikke åpne gava når gjestene ennå er på besøk, for det kan bli tolket som utakknemlighet, at man ikke setter pris på det man har fått. Men en høflig asiat pakker ikke opp når giveren er til stede, for gjesten er viktigere enn presangen. Nordmenn kan gjøre det pinlig for giveren dersom man pakker opp så alle kan se gava, mener kinesiske studenter. Dersom man har gitt ei lita eller billig gave, vil en kinesisk giver føle skam. De forklarer det med at det er skamfullt å være fattig i Kina, og ei billig gave kan tyde på det i hjemlandet. Noen innvandrere mener at nordmenn er uhøflige når de ikke tar imot pakken med begge hender, og en student fra Tunis sier at nordmenn overdriver når de får noe: ”De takker og takker og sier flere ganger at gava er fin – som om de er forbauset over at jeg kunne gi ei slik gave!”

Det er uhøflig å takke nei til gaver, men i Norge kan det være nødvendig. På offentlige arbeidsplasser er det ikke tillatt å ta imot gaver som overstiger en viss verdi. Det er slik fordi gaver kan påvirke avgjørelser som gjelder giveren eller giverens familie. Det er ikke vanlig at kunder gir noe til ansatte, for alle får lønn, og det er en selvfølgelighet å gjøre en god jobb og gi god service. Dessuten kan gaver bli tolket som ”smørning” (korrupsjon) – at giveren ønsker å oppnå fordeler hos mottakeren.

Nordmenn ser med undring for eksempel på iranere som kan slåss om å betale restaurantregninga for alle som har gått ut for å spise sammen. Vi betaler oftest hver for oss, unntatt når de andre er nære familiemedlemmer. Dette gjelder både kvinner og menn. Når nordmenn får ei felles regning til restaurantbordet, kan de ta fram penn og papir og dele regninga nøyaktig på krona. Likevel blir ikke dette først og fremst oppfattet som gjerrighet, men som uavhengighet. Vi vil klare oss selv og ikke være i takknemlighetsgjeld. Nordmenn liker selvfølgelig at venner og bekjente spanderer kaffe eller et måltid på restaurant – men med måte, og da skal det helst være sagt tydelig på forhånd at det er en invitasjon. Hvis vi er voksne og i arbeid, vil nordmenn vanligvis ikke like at noen spanderer for mye på oss bortsett fra nære familiemedlemmer. Vi føler oss som en økonomisk belastning, uhøflig eller ufri hvis noen spanderer på oss både middag på restaurant, billetter til teater, konsert, tog osv. Vi ville insistere på å gjengjelde omtrent det samme, for vi liker ikke følelsen av å være ”kjøpt” eller å skylde noen noe.

Jeg har tidligere nevnt at det er ment som en slags høflighet når nordmenn ikke skryter av seg selv, ikke stikker seg fram. Men å gjøre oss folkelige og små i andre land fungerer ikke alltid etter intensjonene. En norsk minister på reise i Japan ble tolket av en tidligere japansk student

ved Høgskulen i Volda. I en tale til japanske politikere presenterte den norske ministeren seg med: “Jeg har stort sett bare søndagsskolen som utdanning.” Den japanske studenten visste hva søndagsskole betydde, og hun forstod at ministeren – helt på norsk vis – med dette ikke ville framheve seg selv, men være folkelig. Studenten lot være å oversette dette til japansk, for et slikt utsagn ville ikke ha skapt tillit og respekt hos japanerne, tvert imot.

“Hvis du vil ha problemer i Norge, så kom for seint!” sier jeg til mine utenlandske studenter. Nordmenn synes det er slurv og uhøflighet å komme for seint til ulike typer møter og avtaler, undervisning og særlig til middagsinvitasjoner, (men det er helt greit å komme til studentfester etter avtalt tid). Også sjefer, politikere og særlig de kongelige kommer presis til avtaler og tilstelninger. Vi kjenner uttrykket “When in Rome, do as the Romans do”, men høflighetskodene er ofte uskrevene lover. Nordmenn som er invitert til middag i et fransk hjem, kommer derfor presis som skikken er i Norge, men høflighet for franskmenn er i denne situasjonen å komme 20 minutter etter avtalt tid. Egne kulturelle idealer og høflighetskoder kan sitte fast selv når vi bor i en kultur som vi vet praktiserer noe annet. Søstera mi, som i 26 år har bodd i et søreuropeisk land, har i like mange år vært opprørt over folks manglende vilje til å holde avtaler og komme presis til invitasjoner. For når hun ber gjester til middag klokka 20, kommer de først klokka 22. Hun og mannen blir vanligvis invitert bort til middag klokka 20, og søstera mi insisterer på å komme presis selv om vertskapet kan være i matbutikken eller i dusjen når de kommer. Hun blir like irritert hver gang!

Utenlandske studenter og innvandrere gir gode referanser til norske væremåter

I essays og annen litteratur skrevet av utenlandske studenter og innvandrere, er det interessant å se hvilke trekk, holdninger og verdier de mener kjennetegner folk i Norge. Eksempelene kan i denne framstillingen stå som bakgrunn for og forklaring på nordmenns uhøflighet eller høflighet i vid forstand.

Mange har lagt merke til at nordmenn feirer fødselsdager (ikke navnedager), at julaften og nasjonaldagen er spesielt viktige dager, ”at de bruker svært mye elektrisitet, betaler mye skatt og har en urokkelig tro på at dialog løser alle typer konflikter.” Nordmenn er generelt lite opptatt av konkurranse, men redd for å miste selvråderetten og redd for sentralisering. Folk i dette landet klager mye selv om de mener at Norge er det beste landet å bo i. Det er typisk norsk å ha hytte ved sjøen eller på fjellet, å lese aviser alle steder, ta av seg skoene når man kommer på besøk, spise poteter, drikke melk og mye kaffe, spise kornblanding til frokost og grøt på lørdager, og å passe på tennene. Nordmenn soler seg når de kan og reiser på ferie til varme land. De er redde for fedme, ”så både mennesker og hunder jogger”. Alle som vil har lov å plukke bær og sopp, bade og gå tur, også på steder som tilhører private familier og gårdsbruk. Her er strenge alkoholregler for bilkjøring, men ikke for fester. Etniske nordmenn snakker sjelden om religion, og heller ikke prestene leser i Bibelen på bussen (“hvorfors har nordmenn fri på søndager når de likevel ikke går i kirka?”) Folk i Norge er stolte over vintersportsgrenene, naturen og ren luft, ”de er fredelige fordi de deler ut Nobels fredspris”, og de gir mange penger til ulike innsamlingsaksjoner.

Norske kvinner og menn roper og krangler aldri på gata (uten å være beruset), og de snakker sjelden med ukjente. En rumensk student skriver i et essay: ”Nå går det mye bedre for meg her i Norge, for nå er jeg også blitt asosial. (...) Asiater og nordmenn er like reserverte, da blir det jo ingen kontakt i det hele tatt!”. Mange har lagt merke til at nordmenns væremåte forandres så snart de kommer ut i skog og mark rett utenfor bebyggelsen. Da hilser de på alle de møter og kan til og med stoppe og slå av en prat med helt fremmede.

At nordmenn er knyttet til naturen, er et inntrykk mange får allerede etter kort tid i Norge. En engelsk student tolker oss slik: ”Nordmennene Nansen og Amundsen nådde først Nordpolen og Sørpolen, ikke personer fra ’supermakten’ England. Disse polfarerne er idealer og modeller, og dersom norske kvinner og menn ikke går tur på søndager, får de dårlig samvittighet. De føler seg aller best når de har gått på fjellturer som er livsfarlige, og helst skal nordmenn være både våte, kalde og sultne når de omsider kommer hjem.” En student fra Venezuela undrer seg over at nordmenn ”går flere kilometer opp i fjella for bare å finne stein og gress. De vil gjerne være alene på en fjelltopp og har med matpakke og drikke hjemmefra”.

Siden Norge har en lang kyst mot Nordsjøen, forandrer været seg fort. For bønder og fiskere har temperatur, nedbør og vind stor betydning, og når nordmenn skal planlegge aktiviteter utendørs, må vi vite hvordan været blir. Været er et trygt, upolitisk og ukontroversielt samtaletema, noe alle har felles. En student fra Thailand har lagt merke til at nordmenn ofte begynner en samtale med kommentarer om været – hvordan været er nå sammenliknet med hvordan det var i går eller i fjor på denne tida, og hvordan det kan bli i kveld og i morgen. Hun fortsetter: ”Mange norske romaner beskriver naturen og været, og værmeldingen på radio og TV er spesielt viktig for nordmenn. De orienterer seg flere ganger per dag om hvordan været skal bli, og noen skriver dagbok om temperatur og nedbør. I Thailand snakker vi aldri om været, for det er fint hele tiden, men i Norge har jeg også begynt å tenke på vind og temperatur. En dag spurte jeg moren min på telefonen om hvordan været i Thailand var. Hun ble trolig redd for at en storm var på vei og spurte: ’Vet du noe som jeg ikke vet?’”

Mange innvandrere klager over regnvær, og noen har inntrykk av at ”alle nordmenn har på seg ytterjakke med hette, og til og med små barn eier en paraply.” En tyrkisk student som helst vil holde seg innendørs når temperaturen er under ti varmegrader, skriver: ”Norske barn leker ute i regn og storm, norske kvinner og menn jogger også når det ligger snø på veien og går tur i all slags vær. Til og med gravide kvinner, kvinner og menn på over 80 år og barn på 4 år kan gå lange skiturer!”.

En del innvandrere har med tradisjonen fra hjemlandet om å avslutte arbeidsdagen eller arbeidsuka med en øl sammen med kollegaer rett etter arbeidstid. Etniske nordmenn kan bli tolket som sosialt reserverte når de ikke er med på dette.

Men tradisjonen er ikke typisk norsk, for etter arbeidstid skal både kvinner og menn gjerne hente barn i barnehagen eller i skolefritidsordningen, handle og lage middag for seinere å gå på korøving, helsestudio, møter i et politisk parti eller i en organisasjon.

Noen studenter sammenlikner med hjemlandet og synes at norske bussjåfører er blidere og mer hjelpsomme, og at norske bilførere er høfligere med folk som går over gata. De kan

stoppe også der det ikke er fotgjengerovergang. Mange synes det er deilig at bilførere i Norge ikke tuter i bilhornet. Noe annet som blir sett på som udelt positivt, er at hundeeiere i Norge har dyra sine i bånd når de lufter dem, og at mange tar med seg hundeskitten i plastpose hjem fra gata, fortauet og parken.

Eksempler på spesielt rare, norske kulturtrekk som de utenlandske studentene nevner, er at nordmenn tenner stearinlys på middagsbordet selv på lyse sommeren, henger norske flagg på juletreet, snakker dialekt også når de har høy utdanning og synger popsanger på dialekt eller engelsk, de maler trehusene sine i alle farger, kan plante gress på taket og lage små hus til postkassene og søppelstativene sine.

Noe av det merkeligste, mener mange, er pappapermisjon fra arbeidet med full lønn når det kommer et barn til i familien, og at barnevernet kan ta barna fra foreldre som ikke gir dem nok omsorg. Alle barn får den samme barnetrygden fra 0–16 år uansett foreldrenes økonomi. Det er også rart for noen at både foreldre og lærere kan få straff hvis de slår barn som er ulydige. Noen spør om det er riktig at en mann kan settes i fengsel for å ha slått sin egen kone eller datter, og om norske ungdommer kan ha mange kjærester før ekteskapet. Mannlige studenter har erfart at norske jenter kan be gutter opp til dans uten at det behøver å være en invitasjon til noe mer, og noen har forstått at mange nordmenn ikke ønsker å gifte seg og få barn, at barn må tidlig til sengs og at norske barn derfor aldri er å se på restaurant om kvelden.

Uvant kan det dessuten være at norske menn også håndhilser på kvinner og ikke bare på menn, at norske menn vasker golv, baker brød og kan ha jobb i barnehage. At homofile og lesbiske kan være prester, og at Norge har kvinnelige biskoper, kan være provoserende for noen. Det overrasker også at fengselscellene i Norge ser ut som hyggelige hybler med egen PC og TV, at statsministeren må stå i kø på postkontoret som alle andre og at kongen kan gå til fots på gata og kjøre i åpen bil. Noen blir forundret over norske hjem, “de ser ut som museum med mange pynteting og bilder på alle vegger”. Andre blir forbauset over at man på lørdagskvelden bør være invitert for å gå på besøk i en norsk familie, at aktiviteter på leirskole, matlaging og strikking er skolefag, og at nordmenn oppfatter personlige relasjoner i forretningslivet som korrupsjon. Noen mener at kirkegårder og hagene rundt sykehjem i Norge “ser ut som parker for elskende mer enn for døde og syke”.

Spesielt negativt er det at gamle foreldre og slektninger bor på aldershjem, at det er lite samhold innen familien og at norske ungdommer er så uinteressert i politikk. Mange har sterke meninger om at de kriminelle blir beskyttet, at politiet er naivt og at det er for mye snakk om sex i media og blant folk. Videre mener noen at nordmenn er så redde for å moralisere, at de ikke kan gi råd, at de blir blyge når man sier de snakker godt engelsk, og at de ofte kler seg upassende på arbeidsplassen. Det norske samfunnet er av mange sett på som svært regulert, mye er forbudt og alt skal gå fort, effektivt og være nyttig. Den norske sommeren er dessuten veldig oppskrytt!

Av og til får vi overraskende positive reaksjoner på goder og forhold som nordmenn tar for gitt i dag. Eksempler er: Nordmenn kan leve av å ha bare en jobb, alenemødre og skilte personer blir respektert og kan bli ministre, nordmenn kan kritisere politikere, biskoper og andre autoriteter uten å bli forfulgt, funksjonshemmede får ta utdanning, alle som vil studere får studielån, lærere leter ikke bare etter feil, de legger også vekt på det som er bra i

skolearbeidet. Noen har uttrykt at de er imponert og forbauset over at mannlige politikere på Stortinget vil prioritere å være mer sammen med familien framfor å satse på politisk karriere. Når det gjelder norsk familieliv og kjønnsroller, er det særlig kvinnens stilling som blir trukket fram; at det er jenta eller kvinna selv som bestemmer om hun vil ta abort, at ei kvinne kan være uenig med ektemannen når andre er til stede, og ”hun kan sitte i sofaen og la mannen servere mat og kaffe til henne og venninnene”. Å skille seg er like akseptert for ei kvinne som for en mann, og hun har de samme rettigheter som mannen til barn og eiendeler. Det er helt selvsagt at en norsk bror ikke bestemmer over søstera si og ikke har noen rett til å slå henne, at norske jenter og gutter er selvstendige (15 år gamle kan de bli medlemmer i organisasjoner og bestemme over egen utdanning og religion), og jenter og gutter kan være gode venner uten at noen lager rykter. For noen utenlandske studenter er det heller ikke selvsagt at det, som i Norge, er vanlig at aleinemødre eller gravide studerer ved et universitet, og ”bare i Norge er det mulig at ei aleinemor gifter seg med prinsen og kan bli dronning.”

”Kanskje har norske menn en annen type humor enn menn i andre land”, skriver en student fra Libanon. Han fortsetter slik: ”En venn var i en park i Bergen, og på benken ved siden av ham satt en full mann og drakk øl. Et ektepar kom mot dem, og den fulle mannen pekte på kvinna med ølflaska si og sa til mannen: ’Jeg liker dama di!’ Mannen smilte og sa: ’Det gjør jeg også’”.

En annen student var svært sjokkert over noe han leste i avisen (2004): ”En gjest på en norsk restaurant klappet en kvinnelig kelner på rumpa idet hun passerte. Denne mannen måtte betale henne 6000 kroner i bot!”

Også relasjoner mellom foreldre og barn blir lagt merke til: Norske barn kan snakke med foreldrene om alt de ønsker, og foreldre snakker med barna sine om kropp, sykdom, seksualitet og død. ”Norske foreldre fortsetter å være glad i barna sine og hjelper dem selv om barna deres er homofile eller får barn utenfor ekteskap, enda til om barna er kriminelle eller narkomane”.

For norske borgere er det nokså selvsagt at “staten er høflig mot folket i dette landet”, som en asiatisk student uttrykte det. Hun mente blant annet at det ikke er en selvfølgelighet at nasjonaldagen 17. mai blir feiret uten å vise fram våpen, og at man som i Norge, prøver å hjelpe narkomane, gjøre noe med vold i hjemmet og straffe seksuelle overgrep mot barn og kvinner. ”Noe av det beste i norsk kultur er at det er voldtektsmannen som bærer skammen og skylden, ikke jenta og hennes familie.” Hun mente også at det er sjenerøst av staten og private arbeidsplasser å gi de ansatte fem uker betalt ferie per år (og seks uker for dem som er over 60 år). En libanoser mener det var god service fra det offentlige da et helikopter kom og hentet landsmannen hans ned fra fjellet, og at sykehuset opererte vedkommendes ankel uten å spørre om navn, nasjonalitet eller forsikring. Noen har pekt på den profesjonelle og menneskelige forståelsen her i landet når det gjelder behandling av psykiske lidelser og at personer som forsøker å begå selvmord, ikke blir straffet med fengsel, men får omsorg og hjelp.

Når det kommer til direkte spørsmål om uhøflighet blant nordmenn, er særlig utenlandske studenter nokså unnvikende i første omgang. Ikke alle liker å meddele oss sine oppfatninger av uhøflighet, for det ville bety å være uhøflig! Men etter hvert kommer noen trekk fram: Å bruke tannpirker på restaurant er rart og nokså uhøflig for mange. Nordmenn flest gir ikke

komplimenter om utseende til hverandre, de kan stå med hendene i lommene når de snakker med folk, norske kelnerer slenger tallerkenene på bordet, skiltene i dette landet er uhøflige (“Adgang forbudt!”), nordmenn går rundt i joggeklær når de er gjester (turister) i andre land, og “det er merkelig at når man låner 10 kroner eller en lysestake fra nordmenn, vil de ha det tilbake selv om de er veldig rike og har mange lysestaker”. Noen snakker om ”den norske armen” som gjelder oppførsel til bords. I mange kulturer ber man sidemannen om å sende saltet, ”men nordmenn strekker armen over maten til personen ved siden av for å ta saltet selv, uten å si unnskyld”.

Norske kulturtrekk og væremåter kan vurderes ulikt

To personer fra samme by eller familie kan selvsagt bedømme væremåter og kulturtrekk ulikt, for individuelle verdisyn og prioriteringer kommer til uttrykk i våre vurderinger like mye som mer spesifikt kulturelle normer og idealer.

Studenter fra samme land kan for eksempel være svært uenige når det gjelder straff i Norge. Noen mener at ”det er helt selvsagt at en stat som deler ut Nobels fredspris ikke har dødsstraff”, andre mener at dødsstraff kan være nødvendig og at ”21 år som maksimumsstraff er for lavt, spesielt når de fleste i Norge bare sitter i fengsel 2/3 av tiden”. I Norge kan personer ikke bli straffet med fengsel når de er under 15 år, men mange av studentene mener at fengselsstraff virker preventivt i alle aldersgrupper. En del mener også at det burde være lovlig ”i et liberalt land som Norge” å hjelpe folk til å dø.

Hva som gir tillit og autoritet og hva som regnes som ære, er kulturbestemt. Det er tidligere nevnt at det er akseptert, og at det til og med kan være sympatisk og tillitsvekkende å innrømme feil i Norge. Dette gjelder politikere og sjefer så vel som andre folk. Men ”å legge seg flat” kan vurderes annerledes i andre kulturer. En japansk student skriver for eksempel at ”det er pinlig for japanere å høre at norske autoriteter vedgår feil”, og en somalisk student generaliserer sin kultur når hun skriver: ”For oss er det uaktuelt å innrømme noe, for det fører bare til fornedrelse. Så lenge man benekter en feil, holder man sin ære høyt.”

Mange utlendinger har pekt på at nordmenn er et stille folkeslag, de roper ikke tvers gjennom banklokalet, butikken eller bussen når de ser en venn langt unna, de snakker ikke unødige med medpassasjerer, og de kommer ikke på besøk uten å avtale. Hvordan kan taushet og tilbakeholdenhet tolkes? Som likegyldighet? Som omtensksomhet? En vennlig hilsemåte er for mange innvandrere at man stopper og prater en stund, om familien eller om løst og fast. En student fra Russland mener det motsatte: “Det er behagelig når nordmenn hilser med bare et smil og et *hei*. Her får jeg ha mitt privatliv i fred. Jeg liker ikke at folk i hjemlandet er nysgjerrige og intervjuer folk. Det de ikke vet, gjetter de, og de kan finne på å lage rykter.” En student fra Etiopia mener at folk i hjemlandet må slutte med de tradisjonelle, lange hilseritualene sine. Når han reiser hjem på ferie, kommer han nesten ikke av flekken, for slekt og bekjente vil snakke og snakke – og drikke kaffe. En samtale kan ta hele formiddagen, og han frykter at det ikke blir noen utvikling i landet om folk ikke blir mer effektive.

En innvandrerfamilie fra Marokko flyttet for en tid siden inn i et borettslag i Kristiansand og forventet at de nærmeste naboene skulle komme med litt mat eller ei lita gave som velkomst. Det skjedde ikke. Særlig kona i familien syntes dette var både trist og uhøflig, hun følte seg

ikke velkommen. Andre innvandrere med samme forventninger kan likevel se annerledes på dette: ”Det er i grunnen bra at naboer ikke kommer med mat og skal snakke og snakke når vi har det travelt med innflytting og når det står kasser og poser over alt”.

Noen innvandrere synes det er behagelig at nordmenn vanligvis er rolige, men andre kan synes de har for lite temperament. En amerikansk student tok buss på en smal og svingete vei på Vestlandet. På høyre side var det stupbratt rett i fjorden. Bussen stoppet etter en sving, og amerikaneren ble sjokkert da han så en personbil henge med et hjul utfor veien, nær ved å tippe ned i vannet. Han sprang opp og ville ut av bussen for om mulig å gjøre noe. De norske passasjerene derimot ble rolig sittende på setene sine og bøyde seg så vidt fram for å se hvorfor bussen hadde stoppet. Så satt de og ventet på at bussen skulle kjøre videre.

Andre reagerer negativt på at norske barn og ungdommer ikke alltid reiser seg og tilbyr plassen sin til eldre på bussen. God oppdragelse tilsier at de skal gjøre det, men de unge har kanskje erfart at eldre nordmenn takker nei til dette. Grunnen kan være at de ikke vil bli sett på som skrøpelige og gamle, og eldre nordmenn kan faktisk være i svært god fysisk form.

Norske barn og ungdommer anstrenger seg sjelden for å være høflige når voksne er til stede. Vi kan diskutere om dette er uhøflighet, men respekt og redsel er ikke det samme, vil noen nordmenn si. Barn flest blir oppdratt til å motsi voksne hvis de opplever urettferdighet eller mangel på respekt. Noen vil trolig si at dette har gått for langt. I flere kulturer er det helt selvsagt at en skal vise respekt for eldre mennesker. En del nordmenn mener også det, men ikke alle. Noen vil si at eldre mennesker blir respektert bare hvis de fortjener det, for en del eldre er sure og negative, kritiske og fordomsfulle og klager alltid over de unge, – så hvorfor skal vi vise dem respekt da? Dessuten bør respekt gå begge veier, de eldre bør også respektere og være høflige overfor barn og unge.

Noen utenlandske studenter ser det som et selvsagt gode at de får en hybel for seg selv på studentheimene i Norge, mens andre utenlandske studenter kan synes det er både trist og ensomt å bo aleine på et rom. En del innvandrere synes det er uforsvarlig at norske babyer får sitt eget rom når de bare er noen uker gamle, og at norske ungdommer tidlig styrer sin egen økonomi og bestemmer over sitt eget liv. Noen mener det er merkelig at norske foreldre ikke betaler for utdanningen til ungdommene i familien, at de lar dem flytte på hybel når de bare er 18–20 år gamle, at de ikke har mer kontroll med hva de gjør i fritida og hvem de omgås. En forklaring kan være en undersøkelse gjort av *Samfunnsspeilet* i 1998 som viste hva 1127 norske foreldre la vekt på i barneoppdragelsen. 92 % svarte at det viktigste var å lære barna å føle ansvar, 88 % svarte av selvstendighet var det viktigste (mens bare 11 % la mest vekt på at barna arbeider hardt). Resultatet av undersøkelsen ville trolig bli det samme i dag.

Innvandrerfamilier som får barn her i landet, kan oppleve at norske naboer og venner gir dem brukt babytøy. Noen synes dette er høflig og omtenkstomt, andre blir fornærmet fordi de er redd for å bli vurdert som fattige eller at nordmenn synes synd på dem. Men klær til små barn blir ikke slitt, så nordmenn synes bare det er bra om noen kan ha nytte av dem. Det er helt vanlig å gi slike klær til andre familier som får barn, slik det også er nokså vanlig for nordmenn å kjøpe noe på loppemarked og Fretex.

Synet på norske ungdommer kan variere mye. En latvisk student har lagt merke til at ”ei typisk norsk jente bruker lite sminke, vil sole seg for å bli brun, går med solide sko og bærer ryggsekk”. Noen mener dette er lite feminint, andre kaller det sporty. At ”unge, norske jenter er svært lettkledd, drikker øl og går aleine hjem midt på natta” blir tolket både som frihet og som umoral. Flere unge jenter fra østlige land sier at norske gutter er høflige når de ikke stirrer på dem eller plystrer etter dem. Andre jenter mener at norske gutter er uhøflige, for de viser jentene lite oppmerksomhet og interesse. Ei jente fra et latinamerikansk land sammenlikner slik: ”I hjemlandet mitt kan gutter si søte ord som: du har en deilig munn, du har så vakkert hår, men min norske kjæreste sier bare noe om meg når han liker det jeg gjør. Han kan for eksempel si tørt: ’Det der klarte du bra!’ når jeg har kjørt på ski ned et uhyggelig, livsfarlig, bratt og høyt fjell!”

I likhet med mange nordmenn misliker utenlandske studenter å stå ute og røyke i all slags vær, men særlig asiater har uttrykt begeistring over røykeforbudet i offentlige bygninger. En indonesier skrev i et essay om dette temaet: “Jeg vil kysse den ministeren som har innført røykeloven!” Noen blir svært forbauset over at butikkpersonalet her i landet vil se bevis på at unge personer virkelig er 18 år før de får kjøpe sigaretter eller øl (og aldersgrensen for å kjøpe vin og brennevin på Vinmonopolet er 18 og 20 år).

Innvandrere har selvsagt delte meninger om norsk væremåte, på bakgrunn av hva de forventer fra sin kultur. Noen peker på at nordmenn på jobb smiler for sjelden – andre skriver at nordmenn på jobb smiler ofte. En irakisk student skrev en gang i et essay at første gang han så politiet smile, var i Norge. Noen utenlandske studenter mener at norske forelesere tøyser for mye, de er autoriteter som bør være seriøse. Andre synes det er befriende at forelesere eller bedriftsledere kan ha humor og le på arbeidsplassen, og kan innrømme å ha gjort feil. For noen innvandrere blir det helt galt at ei gravid kvinne går på jobb og driver med de samme aktivitetene som før, at hun ikke ligger til sengs etter en fødsel og ikke har hjelp i huset når familien har fått et barn. ”Norske kvinner er ekstremt sterke, de kan drive idrett og til og med ro en båt når de er gravide”, skriver en student fra India.

Hvilke relasjoner vi kaller vennskap, er kanskje kulturelt betinget. Nordmenn får ofte høre at det er vanskelig for innvandrere å få venner i Norge. Men en amerikaner skrev et sted at har du først fått en norsk venn, kan vennskapet vare resten av livet, og at en norsk venn stiller opp og holder det som er lovet.

Nordmenn flest er ikke så påpasselige med å holde døra for dem som kommer etterpå. En tysk student kom med denne vennlige forklaringen: Det er så få mennesker i Norge at det er unødvendig å holde døra når man går ut, for det tar fem minutter før neste person kommer.

Noen innvandrere har lagt merke til at etniske nordmenn blir irritert over å bli avbrutt når de snakker. Vanligvis misliker også nordmenn å stå veldig nær den personen de snakker med, men de vil ha øyekontakt under samtalen. Øyekontakt blir tolket som ærlighet og åpenhet. Noen er tydelige på at nordmenn er rasistiske og nedlatende – andre mener at nordmenn er *for* høflige og *for* forsiktige når det gjelder å uttale seg om andre kulturer og folkeslag, så “høflige” at det er vanskelig å skjønne hvilke holdninger de har. I andre sammenhenger kan det bli poengtert at nordmenn er tydelige og direkte: ”I diskusjoner kan både norske kvinner og menn være veldig uenige, men de blir ikke uvenner”. Norske leger går oftest rett på sak

også når det gjelder alvorlige diagnoser. De skjuler ikke noe for pasienten, og innvandrere kan synes at dette er brutalt.

Vanskelig å være uhøflig på “riktig” måte

Hva som er høflig og uhøflig er relativt, også innenfor samme etniske kultur, innenfor samme by eller bygd. Å banne er generelt sett uakseptabelt og uhøflig – og det er faktisk vanskelig å bruke bannord riktig i en fremmed kultur og på et annet språk. (Dessuten kan uttrykkene være ulike fra region til region.) Å si *dette var jævlig godt*, vil være uhøflig og ikke fungere bra hvis man er i middagsselskap i en familie, men det kan nærmest fungere som koseprat ungdommer imellom. Det spørres her, som i annen kommunikasjon, hvem man selv er i forhold til den man snakker med, hva man snakker om og i hvilken sammenheng ytringen inngår i.

Noen ganger har vi behov for å uttrykke misnøye, irritasjon, sinne og frustrasjon. Hva man sier når man blir sint, og hva som rammer mest, er både kulturavhengig og individuelt. Å oversette bannord fra morsmålet ord for ord, blir sjelden riktig på et annet språk. Et engelsk bannord som “bastard” for eksempel, fungerer dårlig når man vil fornærme en nordmann. En bastard blir på norsk brukt om en hund med foreldre av to ulike raser. (Et tilsvarende norsk uttrykk er ”drittsekk” – den sekken som hestene hadde under rumpa når de gikk i gatene i gamle dager.)

En svært unorsk måte å være uhøflig på går som en vandrehistorie blant de utenlandske studentene i Volda: En student fra et land langt borte ville ta sertifikat i Norge. Han klarte ikke oppkjøringa. Sint og skuffet ville han skjenne på og såre den bilsakkyndige som hadde bestemt at han ikke kjørte godt nok. Den utenlandske mannen sa derfor det styggeste han kunne si til en mann i sin kultur: “Jeg har hatt sex med søstera di!” Den norske bilsakkyndige så overrasket på ham og sa rolig: “Å, kjenner du henne?”

“Uhøflige utlendinger”

På to områder er nordmenn særlig følsomme – når det gjelder språk og natur. “Jeg vil lære ordentlig norsk, ikke dialekt,” kan utlendinger si før de forstår at *alle* nordmenn snakker dialekt, at *ingen* dialekt er riktigere enn andre, og at nordmenn generelt sett er stolte av dialekten sin. For dialekt har med identitet å gjøre, og den viser hvor man kommer fra i landet. Mange steder er det forbundet med skam å forandre dialekten når man flytter til en annen landsdel eller en annen by. Og jo høyere utdannelse en person har, jo mer kan man holde på sin dialekt – selv når man snakker på TV, foreleser på et universitet eller taler som politiker. Noen artister synger og rapper på dialekt. Vi liker ikke at noen snakker nedsettende om dialekten vår, men at andre ikke forstår, slik at vi må gjenta og si noe på en annen måte, er derimot i orden.

Med en slik holdning til dialekter var denne skriveren (for lenge siden!) svært uhøflig i en høytidelig middag i Paris, uten å forstå før det var for sent. Man konverserte, i begynnelsen snakket man *en* av gangen, og de 15 andre lyttet høflig. Til min høyt utdannede sidemann sa jeg i aller beste mening: “Å, er De fra Marseille, det kan jeg ikke høre på dialekten.” Det ble helt stille, til ei svært høflig, fransk kvinne sa noe om de vakre blomstene på bordet.

“Hva synes du om Norge?” er det klassiske spørsmålet alle utlendinger får, og nordmenn som spør, forventer å høre noe fint om den norske naturen. Når de “riktige” svarene ikke kommer, blir vi forbauset og kanskje skuffet. Vi har vanskelig for å tenke oss at det kan finnes mennesker som ikke setter like mye pris på fjell, fjorder og fosser som vi gjør. Men det spørres selvsagt hva man sammenlikner med og hvilket perspektiv man inntar. En student fra det flate landet Latvia utbrøt idet hun åpnet vinduet på Høgskulen i Volda med Sunnmørsalpene foran seg: “Her kan man ikke se noe som helst, her er fjell på alle kanter!” En kinesisk student syntes det var nifst å gå veistrekninger uten folk og hus, og skrev i et essay sin tolkning av nordmenns turgåing: “Når nordmenn er triste, går de på et fjell.” En gjest fra en annen verdensdel ble tatt med på et fjellplatå med flott panoramautsikt over snødekte fjell så langt øyet kunne se. Hun utbrøt: “Why are we here?”

At nordmenn er født med ski på beina, er en sterk overdrivelse. Ikke alle vil eller kan gå på ski, men de fleste nordmenn har et visst forhold til naturen. Kongefamilien har i tre generasjoner vært flittig bruker av naturen både til havs og til fjells, og særlig dronninga går på flerdagsturer i ville fjell. Da kongeparet feiret sølvbryllup for noen år siden, tok de med sine kongelige gjester fra mange land oppå en bratt, veiløs fjellgård i en trang fjord på Vestlandet.

Norge har små byer, likevel velger mange å bo utenfor byene. Bare man får jobb, kan nordmenn, selv med høy utdannelse, ønske å bosette seg på tettsteder og i bygder. God plass, bedre hus enn i byen, trygghet for barn og tilgang til naturen blir sett på som goder, særlig for familiefolk. Høyere utdanning er også fullt mulig, over 20 høyskoler er plassert omkring i Norge utenom de største byene. Forskjellene i levestandard, livsstil og væremåte i byen og på landet er nokså små i Norge sammenliknet med en del andre land. Det kan tenkes at innvandrere på noen måter kunne trives bedre i bygde-Norge enn i norske byer, for noen av tradisjonene mange etterlyser, kan ennå finnes i større eller mindre grad i bygdene: Folk kjenner vanligvis naboene sine, man går av og til på spontane besøk til naboer og venner, og særlig eldre bygdefolk tar kontakt med ukjente personer og vil gjerne vite navn, hvor man kommer fra, hvem foreldrene og besteforeldrene er – ofte til irritasjon for ungdommer på bygdene.

Ikke alle innvandrere har reist så mye rundt i Norge, men noen ganger får man inntrykk av at de i skrift og tale kan ha nedlatende holdninger til miljøer utenfor byene, at bønder og folk på bygdene er uvitende, umoderne og kunnskapsløse. Hvis man ønsker vennskap med nordmenn, bør man *ikke* åpne med å si at vedkommende har rar dialekt eller: “Går det an å bo her? Det finnes jo ingen mennesker her, og det hender ingenting.”

Det er tidligere nevnt at mange innvandrere og turister synes nordmenn er lukkede og uinteresserte når de ikke tar initiativ til å snakke med ukjente passasjerer på buss eller tog. Nordmenn på sin side kan synes at innvandrere og turister er nokså uhøflige som ikke lar folk være i fred. Etter en dag på jobb er man oftest trøtt, og på bussen kan man slappe av. ”Og er det egentlig så høflig og vennlig å ha en overfladisk prat med et menneske man ikke kjenner og som man aldri ser igjen?” vil en del nordmenn si. Men når nordmenn selv er turister i andre land, ønsker vi kontakt med ”de innfødte”, gjerne i form av ”small talk” på buss eller tog.

Nordmenn kan irritere seg over at innvandrere snakker høyt på bussen eller i butikken, de nærmest roper til hverandre. Innvandrere på sin side mener det oftest negativt når de snakker om nordmenn som ”det stille folket”. En innvandrer sa i et TV-intervju at ”nordmenn har lett for å være verbalt uenig med andre både på jobb og privat, men de kan ikke vise sinne. Det er nesten uhyggelig at de alltid er så rolige. Jeg skulle ønske at jeg én gang kunne se voksne nordmenn slåss og skrike stygge ord til hverandre på gata”.

Noe av det verste norske turister vet når de besøker andre land, er at selgere på gata, på torget eller i butikken er svært pågående for å få solgt varer og suvenirer. Selgerne kan følge etter folk og blir fornærmet dersom de har vist fram varer uten å få solgt noe. Dette er annerledes i Norge, og innvandrere og utenlandske turister her i landet kan synes at butikkselgerne er trege og gir liten service når de lar kunden gå rundt og se på varene uten straks å tilby hjelp. Grunnen til dette kan være at nordmenn flest liker å se på utvalget i ro og fred. Og vi forventer at ekspeditører villig viser fram flere modeller uten at vi av den grunn behøver å kjøpe noe.

Når man bosetter seg i et annet land, kan man bli tolket som uhøflig fordi man ikke kjenner kodene. Noen innvandrere pruter på prisene på torget eller i butikker her i landet, slik tradisjonen var i hjemlandet. Dette blir sett på som uhøflighet fordi prisene er faste. Det er ingen tradisjon for pruting i Norge nå bortsett fra på loppemarked, men i gamle dager var det vanlig, særlig når man kjøpte hester. Hvis man pruter i en butikk i dag, vil norske ekspeditører føle at de blir mistenkt for å lure kunden med høye priser.

Et inntrykk jeg har etter 17 års tett samarbeid med utenlandske studenter fra 77 land, er at de sjelden gir beskjed dersom de må meddele noe negativt. Dette kan være kilde til irritasjon. Høflige nordmenn tar kontakt dersom de ikke kan komme tidsnok til en invitasjon eller et møte, og dersom de ikke kan levere noe innen en frist.

I noen land og kulturer spiser man mat med fingrene, mat som vi i Norge ville bruke kniv og gaffel på. Å ta på maten er ansett som uhøflig, uhygienisk og uappetittlig. Barn blir opplært til å ta bare på den sjokoladen eller kjeksen man velger seg. Bare tørr mat kan spises med fingrene, så nordmenn vegrer seg mot å ta middagsmat med fingrene fra et felles fat. Å forsyne seg med mer enn det man spiser opp, er også sett på som uhøflig i Norge. Norske gjester som legger igjen mat på tallerkenen, forklarer seg i slike tilfeller med at de plutselig har blitt veldig mette. Uten denne forklaringen kan vert og vertinne tro at gjestene ikke liker det de har servert. Dessuten misliker mange nordmenn å kaste mat.

Dugnad har lange tradisjoner i Norge, og innvandrere kan bli oppfattet som uhøflige, lite hjelpsomme og lite solidariske når de ikke møter opp til dugnad i borettslaget eller i den barnehagen, skolen eller idrettslaget barna deres pleier å være. ”Jeg betaler for barna mine i barnehagen, så hvorfor skal jeg komme og arbeide der?” kan innvandrere si. Dugnad betyr å gjøre en jobb uten betaling, for eksempel å male, rydde, stelle plantene eller reparere noe. Hensikten er først og fremst å gjøre det ekstra trivelig og pent, men også å ha et fellesskap med de andre familiene. En kaffepause med vafler og en hyggelig prat hører med når man har dugnad.

Å tolke i beste mening

Generelt sett er det mulig å si at alle kulturer og miljøer har de høflighetsformene som de har behov for. Vi vet naturligvis at misforståelser oppstår, også innenfor samme kultur, fordi mennesker kommuniserer på ulike måter, men det er likevel sammen med fremmede, “de andre”, at vi møter de største utfordringene med å forstå og bli forstått riktig.

Vi nordmenn tror vi kan forestille oss hvordan det er å være innvandrere i Norge, men det vet vi selvsagt ikke – like lite som innvandrerne i Norge vet hvordan det er å være innvandrere i *deres* hjemland. Det er rimelig å tro at vi alle sammen møter ukjente mennesker og miljøer med en viss grad av fordom og skepsis. Men hvis vi tør møte andre kulturer med åpenhet, kan vi finne mye verdifullt og spennende. Vi kan få kunnskaper om andre kulturers omgangsformer og høflighetskoder slik at vi bedre kan unngå misforståelser og å tolke medmennesker på feil og negativ måte. For kunnskap gir forståelse og åpner for kontakt og vennskap.

I møte med andre lærer vi også om egne reaksjoner og egen kultur. Vår væremåte impliserer mange kulturelle koder, mye er underforstått både i det vi sier og det vi gjør. Det som er naturlig for oss, altså tillært i vårt miljø, kommer vi ikke på å forklare for andre, for vi vet ofte ikke at det kan oppfattes annerledes enn det vi selv gjør. For ikke å bli misforstått, må vi ha bevissthet om vår egen kommunikasjonsmåte, vårt eget verdisyn og hvordan vår oppførsel kan tolkes av andre. Å se våre væremåter vurdert fra andres synsvinkler og ståsteder gjør oss mer bevisste.

Poenget med denne boka er ikke at vi skal slutte å praktisere våre kulturelle koder, for det er spennende at vi har ulike kulturtrekk og er høflige på litt ulike måter. Poenget er heller ikke at vi skal bli like, men at vi skaffer oss mer kunnskap og innsikt i andres tenkemåter og verdisyn. Et flerkulturelt samfunn endrer også majoritetsbefolkningen. Nordmenn gleder seg over mangfold i kulturen og bør også lære å mestre et mangfold av høflighetskoder. Og vi kan alle repetere det gamle ordtaket: Høflighet er gratis!

Når vi snakker om høflighet og uhøflighet, finner vi mange spennende problemstillinger og spørsmål, men ingen absolutte svar, for høflighet handler ikke om riktig eller galt. Og vi kan naturligvis ikke generalisere en eneste etnisk gruppe – heller ikke nordmenn. Men vi kan sammenlikne og snakke om visse tendenser.

Det er selvsagt mer som er likt enn ulikt i menneskenes væremåter, følelser og behov verden over. Vi kan derfor være trygge på dette: Hvis vi tolker andre i beste mening, og dersom vi har gode hensikter med det vi gjør og sier, så blir vi stort sett oppfattet som vennlige og høflige – i alle fall dersom smilet ikke er langt unna.

Store deler av denne artikkelen er tidligere trykt som innledningskapittel til boka *Typisk norsk å være uhøflig?* (2005) på Kulturbro Forlag.

De 15 andre forfatterne i denne boka er innvandrere fra 15 land: Argentina, Finland, Frankrike, India, Iran, Jamaica, Japan, Kina, Kroatia, Libanon, Marokko, Russland, Tyrkia, USA, Vietnam.

Med humor, selvironi og et kritisk blikk forteller de om den norske høfligheten sett gjennom tokulturelle briller: om hilsemåter og bordskikker, tabuer og humor, påkledning og omsorg med mer. Forfatterne gir innblikk i høflighetskoder i hjemlandet og sammenlikner med norske, trekker paralleller mellom ulike kulturer, analyserer den norske væremåten og deler ut ros og ris til egen og norsk kultur. Alle tekstene er skrevet på norsk.